

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ВСЕ
НЕ ТАК

Преступления правильной жизни

Александра Маринина

Всё не так

«Автор»

2007

Маринина А.

Всё не так / А. Маринина — «Автор», 2007 — (Преступления правильной жизни)

ISBN 978-5-699-21125-8

Когда-то ему запрещали жить так, как он хочет, делая это под флагами нравственных идеалов, семейных ценностей, высокой нравственности... Из-за этого он испортил жизнь своему лучшему другу, погубил свою единственную любовь, потерял смысл своей жизни - стремления к счастью. Он решил мстить – заставить их всех жить по провозглашенным ими же принципам высокой морали и нравственности. Те же флаги поднимает он, чтобы вынудить их принимать тяжелые для них решения, которые в итоге сталкивают их, ссорят их, заставляют ненавидеть друг друга.

ISBN 978-5-699-21125-8

© Маринина А., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава 1	5
Павел	5
Отражение 1	22
Отражение 2	24
Отражение 3	26
Отражение 4	30
Глава 2	34
Павел	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александра Маринина

Все не так

Глава 1

Павел

Говорят, есть люди, которые любят ходить на похороны. Я к ним не отношусь, может быть, возраст пока еще не тот, чтобы любить подобные мероприятия, а может, характер у меня для этого дела неподходящий. И вообще, я не уверен в правдивости информации о существовании таких людей. Лично я в похоронах ничего хорошего или хотя бы интересного не нахожу, а ведь проводил в последний путь я, несмотря на относительную молодость, уже многих: мало кому из молодых спортсменов удастся сделать спорт своей профессией на долгие счастливые годы, зато несть числа тем, кто отдает свою накачанную мускулатуру и приобретенные в секциях навыки за хорошие деньги в охранные службы или за еще большие деньги – в криминал. Вот и хороним.

Но сегодняшние похороны, на которые я явился, как полагается, в черных джинсах и черной водолазке, держа в руках охапку пушистых разноцветных астр, были другими. Солидными, спокойными, многочисленными. И что самое любопытное – ни одного истерического выкрика, никого, кто забился бы в рыданиях, хватался за сердце или терял сознание, как часто бывает, когда внезапно гибнет тот, о чьей смерти никто и думать не думал и чей неожиданный уход повергает близких в шок. Н-да, ни малейших признаков шока я не наблюдал. И это было странным.

Впрочем, нет, не буду кривить душой. Еще два дня назад меня долго и мучительно допрашивал следователь, ибо результаты вскрытия показали совершенно недвусмысленно: смерть наступила в результате отравления, а точнее – остановки сердца, вызванной огромной дозой сердечного препарата, прописанного одному из членов семьи. И совсем даже не тому, кто в итоге умер. Можно по ошибке выпить не ту таблетку, но одну, а не пару десятков, к тому же растворенных в большой кружке с чаем. Вот такие пироги...

К ритуальному залу я подъехал одним из первых и сидел в машине, наблюдая за прибывающими. Минут через пять после меня появилась сверкающая – только что из мойки – машина, из которой, к вящему моему изумлению, вылез Игорь, участковый, обслуживающий тот микрорайон, в котором проживала семья Руденко. С Игорем я познакомился давно, еще когда только начал работать у Руденко, он мне нравился, и мы даже пару раз пили пиво в ближайшей забегаловке и трепались о всякой ерунде, и я, конечно, замечал, что прикид у него неброский, но фирменный, однако мне и в голову не приходило, что он ездит на такой тачке. Впрочем, возможно, машина и не его, просто взял у кого-то, чтобы доехать до ритуального зала, расположенного довольно далеко от центра.

Игорь заметил меня, подошел и уселся рядом, на переднем сиденье.

– Здорово, – кивнул я, – пришел оказать уважение и выразить соболезнования?

– Следователь велел быть, – хмуро ответил он. – Понаблюдать. Ну, сам понимаешь, смерть-то криминальная. Опера тоже сейчас подтянутся. Паша, ты порядок знаешь?

Я снова кивнул. Уж сколько этих похорон было на моей памяти...

– Пойдешь с первой группой, с близкими.

Я удивленно посмотрел на участкового. На церемонии прощания в зал, где установлен гроб, сначала приглашают самых близких, иными словами – членов семьи, дают им возмож-

ность побыть наедине с усопшим, порыдать, а уже потом, спустя минут десять-пятнадцать, когда проходит первая волна истерик, запускают всех остальных, после чего и начинается собственно гражданская панихида или отпевание, это уж у кого что. Членом семьи Руденко я не являюсь, а причислить меня к близким если и можно, то с очень большой натяжкой. Кто я им? Наемный работник.

– Неудобно, – с сомнением произнес я.

– Я понимаю, – в голосе Игоря зазвучала неожиданная мягкость, – я все понимаю, Паша, но я тебя прошу. Пожалуйста. Уж мне или операм из розыска идти с близкими совсем не в дугу, а посторонние глаза должны быть. Обязательно. Убийца – кто-то из тех, кто пойдет с первой группой, с родными. И очень важно знать, кто где стоял, как себя вел, как смотрел, кто с кем переговаривался, кто плакал, а кто только делал вид, что скорбит. Ну, Паш?

Я молчал, уставившись в приборную доску.

– Ты пойми, – настойчиво продолжал Игорь, – первый момент, когда они увидят открытый гроб, – он самый острый, так всегда бывает. Большинство из них видело человека только живым и здоровым, потом его увозит «Скорая», потом сообщают, что он умер, и потом они видят его уже мертвым в гробу. Это невероятный шок. Люди в этот момент плохо владеют собой, плохо соображают, и очень часто вылезает то, что они хотели бы скрыть. Ну? Поможешь?

В общем, он меня уговорил.

И вот я стою в небольшом красивом зале, в центре которого возвышается открытый гроб, и наблюдаю за присутствующими, спрятав глаза за темными стеклами очков. Тут все в очках, все до единого, кроме самого младшего, шестилетнего Костика, и иди знай, то ли человек прикрывает покрасневшие и опухшие от слез веки, то ли хочет скрыть сухой, равнодушный или полный злорадства взгляд.

Кто из них убийца? Кто? А ведь это совершенно точно кто-то из них, потому что больше никому.

Мог ли я знать два года назад, когда пришел работать к Руденко, что все закончится вот так страшно?

* * *

Когда я был еще пацаном, мама постоянно твердила, что надо быть умнее, хитрее, осторожнее, что я со своим таранным прямодушием, которое я по наивности считал честностью, только настрадаюсь, а толку все равно не будет. По-видимому, мамуля была права, но, чтобы это оценить, мне понадобилось прожить без малого тридцать лет, набить синяки и шишки, завоевать кое-какие призы и медали вкупе со званием мастера спорта международного класса, побалансировать на грани инвалидности и в конце концов остаться без работы и без жилья. Вернее, жилье пока еще было, но очень условное, а вот работы не было совсем. Никакой. Условность же моего пристанища заключалась в том, что мне, скрипнув зубами, разрешили пожить в нем бесплатно, но очень короткое время.

Как и многие молодые люди, я совершал, причем неоднократно, типичную ошибку: считал, что «так будет всегда». Всегда будут молодость, силы, здоровье, физические кондиции, спортивные успехи, всегда будут работа и деньги, и любовь тоже будет всегда. Причем объекты самой любви периодически меняются, но все равно каждый раз возникает твердое убеждение, что это никогда не кончится.

Я был дураком, за что и поплатился. Нет, не дураком – идиотом, причем фантастическим. Наверное, мне просто везло в той сфере, которая именуется личной жизнью, и каждая следующая пассия возникала на моем пути в то время, когда я еще не расстался с предыдущей, поэтому проблема жилья надо мной как-то не висела: я просто переезжал с одной квартиры,

принадлежащей даме сердца, на другую, хозяйка которой становилась моей новой возлюбленной. И какого же черта я полагал, что так будет всегда?

Нет, вру, ничего такого я, конечно, не думал, и в этом как раз и состоит типичная ошибка: о будущем я не думал вообще. А чего о нем думать, если оно будет таким же, как сегодня? Будут обеспеченные милашки с квартирами, и будут платные бои в закрытых клубах и «черные» тотализаторы, и будут люди, желающие серьезно тренироваться и платить за это деньги. Так о чем тут думать?

Потом я здорово покалечился, оказавшись со своей машиной не на том перекрестке и немножко не в то время. Пятью секундами раньше или позже – и тот пьяный кретин, несшийся на красный свет со скоростью чуть меньше скорости звука, проскочил бы мимо меня. Но он не проскочил, и когда я через полгода вышел из больницы, ни о каких серьезных тренировках с серьезными противниками уже не могло быть и речи. За эти полгода моя «квартирная хозяйка» успела решить личные вопросы самым кардинальным образом, то есть собралась замуж. Естественно, не за меня. Возможность проживать на ее площади я потерял, но, поскольку жених у нее выдался знатный, она к моменту моей выписки уже переехала к нему в загородный коттедж, а мне милостиво позволила пожить в ее квартире, но только недолго, пока я подыскиваю себе жилье. Вы еще не поняли? Я не москвич. Я приехал совсем из другого города, маленького и далекого, ибо, как и огромное множество людей, наивно полагал, что если красивая, как в кино, жизнь где-то и существует, то только в столице, где крутятся большие деньги и существует масса возможностей показать себя и как-то продвинуться.

В общем, можно было бы долго описывать историю моей глупости, но я не стану этого делать, потому что важен результат: я одновременно оказался без привычных физических кондиций, без денег (правда, с новенькой машиной. Старая, попавшая в аварию, восстановлению не подлежала, и первое, что я сделал, выписавшись из больницы, – купил машину, угрожав остатки сбережений, и без того оскудевших, потому как полгода лечения – удовольствие не из дешевых), без работы и без жилья. К перечню того, чего у меня не было, надо добавить и желание вернуться домой, в родной город. Уезжать из Москвы мне не хотелось. Ума у меня, вероятно, тоже не было, потому что какой же умный человек покупает машину, когда ему негде жить? Но представить себя без машины было совершенно невозможно. Как это: в Москве – и без машины? Так что я, засунув гордость в одно пикантное место, начал искать работу. Если бы рядом была моя мама, она, конечно, сказала бы, что мне надо быть умнее и хитрее, то есть делать вид, что предложений у меня хоть отбавляй, что за такого ценного кадра, как я, любой готов уцепиться обеими руками, но мне, понимаете ли, наскучила работа со взрослыми здоровенными накачанными дядьками, все необходимые деньги я уже заработал и теперь ищу, чем бы мне развлечься, так что вы предлагайте, а я еще повыбираю да повыкобениваюсь. Но мамы рядом не было, и за поиски работы я взялся со всем присущим мне дурацким прямодушием, то есть запустил свое резюме в Интернет, а также обзвонил все места, где успел за последние восемь лет поработать, честно рассказал про проблемы со здоровьем и признался, что готов взяться за любое дело, если зарплаты хватит на съём самого дешевого жилья, бензин и прокорм.

По состоянию здоровья я мог бы заниматься с детьми и начинающими подростками, но это поле оказалось давно и плотно занято, и мне там места не нашлось. На остатки денег я уныло жил в милостиво оставленной мне на время квартире и ждал, когда что-нибудь проклянется. Ждал я долго, тратя свободное время на то, что погрызал сам себя, посыпая раны солью упреков в глупо потраченных годах. Вообще-то по молодости лет трудно сделать правильный выбор, когда выбирать приходится между бурной денежной жизнью, с одной стороны, и планомерным монотонным выстраиванием собственной карьеры – с другой. Покажите мне молодого мужика, который при подобной альтернативе выберет не то, что выбрал в свое время я сам. Участвовать в платных боях, проводящихся в закрытых клубах, и получать за это немалые

деньги, заводить яркие знакомства и страстные скоротечные романы или вставать каждый день в семь утра и скучно ходить на службу, выгадывая и высчитывая, когда можно будет позволить себе поменять машину или съездить отдохнуть за границу... Одним словом, все понятно.

Когда деньги уже почти совсем закончились, мне позвонили. Это была Нана Ким, начальник службы безопасности одного издательства. Когда-то она два или три раза приглашала меня на трехмесячный договор, и я занимался с ее сотрудниками рукопашным боем. Ей я тоже звонил, устраивая свой SOS-обзвон потенциальных работодателей.

– Ты все еще ищешь работу? – спросила она.

– Ищу, – вздохнул я.

– Ну приезжай, поговорим.

Я быстренько принял душ, вымыл голову, побрился, всунул себя в джинсы и куртку, дохромал не без помощи палки до своей новенькой машинки и помчался в издательство. По дороге размышлял, купить цветы для Наны или не нужно. Был момент, когда она мне очень нравилась. Ну просто очень! Она была старше меня на несколько лет, но меня такие мелочи никогда не смущали, и я с ходу ринулся в бой, но был немедленно и жестко остановлен. Слава богу, природа наделила меня одним полезным качеством: я совершенно не умею сохранять мужской интерес к женщине, если она не отвечает мне взаимностью. Так что муки неразделенной любви мне неизвестны, и влюбленность в Нану Ким, продлившись ровно одну неделю, тихо скончалась. Сами видите: мысли о цветах были не праздными. С одной стороны, она все-таки женщина и, вполне возможно, от нее сейчас зависит мое трудоустройство, посему надо бы прогнуться, но, с другой стороны, цветы могут быть восприняты ею как намек на неостывшее чувство и надежду на новый виток в отношениях и новую попытку, а вдруг это ее разозлит? И никакой работы для меня не окажется...

Ни до чего умного не додумавшись, я явился к ней в кабинет с пустыми руками, отметив попутно сидящую в приемной новую секретаршу, жуть какую хорошенькую, хотя прежняя, которую я знал когда-то, тоже была красоткой хоть куда. Обладающая совершенно не «модельной», но абсолютно неординарной внешностью, Нана Ким была из тех редких женщин, которые не боятся близкого соседства с молодыми очаровашками.

Палку я на всякий случай оставил в приемной и постарался не очень припадать на больную ногу, но Нана, сама в прошлом спортсменка, поляну просекла мгновенно и посмотрела на меня с нескрываемым сочувствием.

– Что врачи обещают? – спросила она.

– Мало что, в основном пугают. – Я попытался выглядеть беззаботным и стопроцентно уверенным в полнейшем и скорейшем восстановлении своей физической формы, но и совсем уж нагло врать тоже не хотелось. – Это нельзя, то нельзя, и нога какое-то время будет болеть, особенно на перемену погоды.

– А спина?

Ах, прозорливая ты моя! Про спину я малодушно умолчал, хотя по сравнению с этой проблемой больная нога казалась просто-таки фурункулом на фоне инфаркта.

– Ну, и спина, конечно, тоже. – Мне показалось, что я очень ловко увернулся от конкретного ответа.

– Ладно. – Нана почему-то вздохнула, пододвинула к себе толстый ежедневник и принялась его листать. – Значит, выступать ты не сможешь еще года три, это как минимум, тренировать взрослых дядек тоже. Одному человеку нужен домашний тренер для ребенка пятнадцати лет. Как тебе такой вариант?

Как? Да просто блеск! Что я, маленький, не понимаю, что это значит – домашний тренер для подростка? А это значит, что есть шанс устроиться на работу в богатую семью. Воображение у меня буйное, и я мгновенно и в красках представил себе роскошный загородный дом с большим участком, и я каждый день подъезжаю к кованым чугунным воротам на своей любви-

мой сверкающей новенькой машинке, охранник приветственно машет мне рукой, а в доме, в специальной комнате, установлены все необходимые тренажеры, купленные, разумеется, по моему профессиональному указанию и под моим чутким руководством, и есть бассейн (что немаловажно, ведь доктора настоятельно требовали, чтобы я непременно плавал – это необходимо для восстановления позвоночника и поврежденных суставов) и баня (а как же без нее в богатом-то доме?!), и я регулярно и грамотно занимаюсь с пацаном, и его спортивные достижения становятся все заметнее. И вот он уже чемпион. Ну, не мира, конечно, и не Олимпийских игр, но какого-нибудь районного масштаба, ну хотя бы для начала своей школы. Или мальчишки из богатых семей учатся в частных гимназиях? И это наша общая победа. А дальше – больше...

– Хороший вариант, просто отличный. Каким видом спорта парень занимается?

– Девочка.

– Что? – не понял я.

– Это не парень, а девочка.

Нана смотрела на меня со странной улыбкой, смысла которой я не понимал. Вот черт! Значит, девчонка. Ну ладно, какая разница-то? Пусть будет девчонка. Будем надеяться, что спортом она занимается все-таки не «девчачьим», типа художественной гимнастики или синхронного плавания, в которых я совсем уж ничего не понимаю. А со всем остальным я как-нибудь справлюсь. А может, все не так уж и страшно, и девица решила в домашних условиях овладеть единоборствами, а тут я как раз крутой спец, это – мое.

И я задал уже следующий вопрос, вполне деловой:

– Сколько километров от МКАДа? Далеко они живут?

– А тебе не все равно? – усмехнулась Нана. – Тебе же работа нужна и зарплата. Или если они далеко живут, то такая работа не нужна?

– Да нет, – смешался я, делая вывод, что живут мои потенциальные работодатели где-то в жуткой тьмутаракани и на дорогу мне придется тратить часа по два в один конец, а то и больше. – Я просто так спросил, чтобы понимать.

– Ладно, расслабься. Они в Москве живут, в центре.

Я решил, что ослышался. Как это – в Москве, в центре? Особняк у них, что ли? Но если там столько деньжищ – а сколько стоит особняк в центре Москвы, я представляю, – то на хрена им сдался безработный, мало кому известный провинциал с тяжелой травмой, если они легко могут нанять своей ненаглядной доченьке в тренеры самого именитого и дорогого специалиста, хоть олимпийского чемпиона? А если деньжищ не «столько» и живут они не в особняке, то где, позвольте спросить, я должен детку тренировать? В коридоре на коврик? Конечно, квартира может оказаться очень большой и в ней есть отдельное, достаточно просторное помещение для занятий спортом, но мой жизненный опыт показывает, что люди с приличными деньгами все-таки стараются жить в собственных домах за городом, а вовсе не в центре столицы.

– Почему? – тупо спросил я.

Нана помолчала, глядя почему-то не на меня, а на заполненные страницы своего ежедневника. А вот я-то как раз смотрел на нее и думал, что она, как и прежде, вызывает у меня ассоциации с орхидеей, стоящей на столе, заваленном бумагами. В Нане, если я правильно помню, намешано много кровей: корейская, грузинская, молдавская и славянская, и это сделало ее внешность экзотически-прекрасной, хотя и не отвечающей никаким современным канонам красоты: очень черные волосы, крупный нос с горбинкой, раскосые глаза, крутой изгиб верхней губы – все это в сочетании было необычным, ярким, каким-то дисгармоничным и от этого ужасно привлекательным. По крайней мере, на мой вкус. Но, судя по тому, как безжалостно был в свое время остановлен мой романтический порыв, подобные вкусовые пристрастия свойственны не мне одному...

– Послушай, Паша, – заговорила наконец она, – ты задал хороший вопрос. Но ответа на него у меня нет. Действительно, почему они живут в городе, хотя денег там более чем доста-

точно? Или на самом деле денег там не так уж и много? У меня вообще на этот счет накопилось много вопросов, и твоя будущая работа в значительной степени зависит от твоей готовности помочь мне найти ответы.

– Не понял, – озадаченно протянул я.

Нет, вы не подумайте, что я совсем тупой, просто Нана Ким – руководитель, которому то и дело приходится вести переговоры, и она здорово наблатыкалась в изящных формулировках, а я – парень незатейливый, чтобы не сказать – простой, от политесов далекий, словарный запас у меня бедноватый (так, во всяком случае, утверждает моя мама, которая всю жизнь работает в школе учителем русского языка и литературы), и, когда со мной начинают разговаривать вот так сложно, я на слух плохо воспринимаю.

Нана объяснила. Суть дела оказалась в том, что некий бизнесмен Михаил Руденко некоторое время назад предложил владельцу издательства, в котором работает Нана Ким, благотворительный проект с условным названием «Молодая поэзия». Руденко дает деньги, а издательство находит молодых талантливых поэтов и печатает их стихи. Коммерческого успеха этот проект иметь не может, и вложенные бизнесменом деньги не окупятся никогда, потому что сегодня поэзия не в моде и сборники стихов покупают только любители и специалисты, которых крайне немного. Но Руденко на возврат инвестиций и не рассчитывает, по крайней мере, он так заявляет. Владелец издательства предложение принял, проект уже значительно продвинулся, через месяц выйдут первые три сборника, в течение года запланирован выпуск еще четырех. Конечно, книжечки тоненькие, маленькие, но все-таки это серия, и переплет твердый, и оформление серийное, в общем, все честь по чести, как у больших. И Нане как руководителю службы безопасности все это кажется чрезвычайно подозрительным. Кто сегодня вкладывает деньги в поэзию? Никто. Кто дает деньги на некоммерческие проекты и при этом даже не заикается о том, чтобы его имя или название его фирмы упоминалось на первых страницах или еще где-нибудь для всеобщего сведения? Нет таких. Зачем все это нужно бизнесмену Руденко? Непонятно. Если бы проект приносил хоть какой-нибудь доход, можно было бы предположить отмывание денег, но дохода-то не предвидится, тиражи будут крошечными, да и те наверняка станут пылиться на складе, хорошо, если книжные магазины в общей сложности экземпляров сто возьмут. В общем, сплошные непонятки. И среди этих непоняток, в частности, затесался и вопрос о том, почему состоятельный человек Михаил Руденко не купил, как подавляющее большинство успешных бизнесменов, дом за городом и продолжает жить в Москве. Нана пыталась озадачить своими вопросами владельца издательства, но тот лишь отмахнулся и ответил, что Михаил – хороший мужик и нет никаких оснований ему не доверять. А тут на днях господин Руденко в частной беседе с владельцем издательства спросил, нет ли у него на примете человека, который смог бы заниматься физической подготовкой с его пятнадцатилетней дочерью. Владелец обещал узнать и переадресовал вопрос Нане, поскольку та много лет занималась спортом, окончила институт физкультуры и вообще, как говорится, «в теме».

– Я могу рекомендовать тебя на это место, но при одном условии: ты будешь информировать меня обо всем, что увидишь и услышишь в этой семье. Ты будешь работать у Руденко, если пообещаешь, что поможешь мне найти ответы на все интересующие меня вопросы.

Нана говорила спокойно и теперь уже смотрела прямо мне в глаза. Ну и дела, елки-палки! Соглашаться? Да на хрена мне эта головная боль? Что я, Эркюль Пуаро, или какие там еще есть знаменитые сыщики? И вообще, фигня какая-то.

– Слушай, – миролюбиво начал я, – а нельзя как-нибудь отдельно?

– Что – отдельно? – Нана слегка приподняла брови.

– Ну, мои занятия с девицей отдельно, а все вот это... пусть как-нибудь по-другому. У тебя же целый штат службы безопасности, неужели не найдется кого-нибудь поприличнее для такой работы, а, Нана?

Она вздохнула и снова взялась за ежедневник. И что она там ищет, интересно знать? Ответы на вопросы о смысле жизни? Или у нее на этих чудесных листочках записаны имена тех, кто может справиться с сыщицкой работой лучше меня?

– Паша, у меня дел выше головы, и я не собираюсь тратить целый день на то, чтобы тебя уговорить. Мне, в общем-то, все равно, кто именно будет работать с девочкой Руденко, просто я первому предложила тебе, потому что ты звонил и плакался насчет своего бедственного положения в смысле денег и работы. Если тебе работа и зарплата не нужны, нет вопросов, я позвоню кому-нибудь еще. А торговаться с тобой я не собираюсь, мы не на базаре. Берешь товар – значит, берешь, нет – значит, нет. Мне нужен четкий конкретный ответ. И желательно побыстрее, потому что мой шеф не любит, когда его поручения исполняются слишком долго.

Вот, Фролов, ты и приехал. На ту самую станцию, где вдруг оказывается, что ты – не совсем то, что о себе думаешь. Ты привык быть незаменимым, ты привык к тому, что тебя на руках носят и тревожно заглядывают в глаза: будешь ли ты выступать, не передумал ли, здоров ли, в хорошей ли форме, потому что зрители ходят «на тебя», и никакие замены их не устроят, и ставки они будут делать тоже только в том случае, если выступать будешь именно ты, и ставить будут на твоего соперника в надежде на то, что настанет тот радостный час, когда найдется управа и на твою безупречную красивую технику и кто-нибудь наконец исковеркает твою фотомodelьную рожу. Н-да, оказывается, теперь все не так, и со своим поврежденным позвоночником ты мало кому нужен и интересен, и заменить тебя – раз плюнуть. Да что там заменить, без тебя вообще можно распрекрасно обойтись, никто и не заметит, что тебя нет. Другие найдутся, да получше и поздоровее.

И тут я поймал себя на удивительной мысли: а про деньги-то я не спросил. Вот дурацкая моя натура, мне, парню из маленького провинциального городка, куда важнее были всяческие атрибуты красивой столичной жизни – клубы, тусовки, девушки, красивые шмотки, новенькие автомобильчики, толпа, шум, музыка и слава, одним словом, все то, что модно и престижно, то, что у меня было до аварии и чего я напрочь лишился, утратив способность выступать в платных боях, и пока Нана (надо признаться, довольно скуп) обрисовывала мою будущую работу, я думал только о том, насколько она позволит мне все это вернуть. Я предавался наивным мечтаниям, совсем забыв о зарплате. Как будто без денег можно иметь эти самые атрибуты... И только когда Нана произнесла сакраментальные слова о зарплате, я спохватился.

– А можно узнать, сколько мне собираются платить? – спросил я. И на всякий случай осторожно добавил: – Если я соглашусь.

Нана усмехнулась и назвала сумму, которая мгновенно примирила меня с необходимостью выступать в роли неумелого шпиона в тылу врага. Да ладно, за такие-то бабки можно и покоряться. Штирлиц – не Штирлиц, а уж реплику «Вы болван, Штубинг!» из бессмертного фильма «Подвиг разведчика» я как-нибудь произнесу.

* * *

Первая встреча с моим работодателем оставила у меня странное впечатление. Не то недоумения, не то ошарашенности... Не таким я его себе представлял. А может, я просто мало знаю жизнь и людей, и мне вот кажется, что человек с собственным бизнесом и деньгами должен быть таким-то и таким-то, а когда он оказывается вовсе даже эдаким – я теряюсь и начинаю сомневаться: то ли я дурак, то ли меня пытаются одурачить. И то и другое в равной степени малопривно.

Михаил Олегович Руденко внешне и манерами напоминал директора совхоза, какими их показывали в старых советских фильмах, которые я видел по телевизору: на лице красовались глубокие мимические морщины вкупе с усами, что его, само собой, не молодило, однако густые волосы были совсем без седины, и это как-то не давало мне забыть, что ему всего лишь чуть за

сорок (так, во всяком случае, утверждала Нана Ким). Крепкий, невысокий, слегка полноватый, даже рыхлый, то есть фитнесом явно не злоупотребляет, а вот к еде и выпивке относится, судя по всему, с большой нежностью. Изъяснялся он короткими фразами, сложные формулировки были ему не под силу или не по вкусу, и этим он сразу расположил меня к себе. По крайней мере, все, что он говорил, было мне понятно. Но я никак не мог представить себе этого Руденко в роли бескорыстного благотворителя и тонкого ценителя поэзии. Пожалуй, Нана права, что-то тут не так.

– Каким видом спорта занимается ваша дочь? – приступил я к делу.

– Никаким, – отрезал Михаил Олегович, не глядя на меня.

Глядел он в тарелку с салатом, откуда выцапывал вилкой кусочки копченого мяса, старательно разгребая зеленые салатные листья. Встреча наша состоялась в небольшом ресторанчике в центре Москвы, где Руденко предложил пообедать и познакомиться поближе, прежде чем принимать решение, брать ли меня на работу. Ну что ж, его право, сперва думал я, теперь его очередь подумать.

– А почему сейчас возникла необходимость в домашнем тренере?

– Ей худеть надо. Толстая стала, разъелась. Из дому не выходит. Надо что-то с этим делать.

Вот тебе здрасьте! Докатился ты, Фролов, до положения личного диетолога дочки богатого папаши. Да что я ему, врач, что ли? Совсем обалдел от своих деньжищ. Впрочем... Нда, деньжищи. Они мне совсем не лишние. Только вот вопрос: справлюсь ли я? Я же этого совершенно не умею. Заниматься единоборствами, хоть контактными, хоть бесконтактными, – это я всегда пожалуйста, это мой хлеб, это единственное, что я умею, я даже общефизическую подготовку без труда осилю, но похудание – это как-то уж слишком. Или как там правильно говорить? Похудение? У меня с русским языком не так чтобы очень, вот моя мама, всю жизнь проработавшая учителем русского языка и литературы, знала бы точно.

– Может быть, ваша девочка больна? – предположил я. – Вы врачам ее показывали? Может, у нее нарушение обмена или сердце больное? Начнем ее физически нагружать и только навредим еще больше.

– Да не больна она, – раздраженно ответил Руденко. – Водили ее к врачам. Все одно талдычат: много ест, мало двигается. Короче, тебе задача понятна. Ну как, возьмешься?

– Возьмусь, – решительно ответил я.

– А почему?

Он наконец посмотрел мне прямо в глаза, и вот тут у меня впервые возникло ощущение крупного подвоха.

– Что – почему?

– Почему берешься за такую работу? Ты молодой красивый мужик, ты что, другого занятя себе найти не можешь?

Значит, Нана ему не сказала про мои проблемы. Или сказала, а теперь он хочет проверить, не попытаюсь ли я соврать. Нет, Михаил Олегович, не попытаюсь. Себе дороже выйдет. Конечно, в ресторан я пришел вовремя, даже чуть раньше назначенного времени, и Руденко не видел, как я прихрамываю и опираюсь на палку. Когда он явился, я уже сидел за столиком, благоразумно спрятав палку за оконной шторой, и, наверное, внешне производил впечатление человека вполне здорового и полного сил.

– Пока не могу. У меня была серьезная травма, бороться с полновесными взрослыми мужиками мне запретили как минимум года на два, так что работать я могу пока только с детьми. А жить-то надо на что-то.

– Ладно. – Он, казалось, был вполне удовлетворен моим ответом. – О себе расскажи. Кто ты, что ты. Родители кто. Откуда родом.

Я рассказал про маленький провинциальный городок, про маму-учительницу и папу – школьного физрука, про выдающегося спортсмена, который давным-давно, еще при советской власти, получил срок за «незаконное обучение карате» (представляете, была такая статья в тогдашнем Уголовном кодексе! Страна непуганых идиотов!) и после отсидки обосновался в нашем городке и с удовольствием тренировал всех желающих, когда эту идиотскую статью отменили. Что самое обидное, отменили ее через полтора месяца после того, как его освободили. Вот судьба, да? Если бы со мной такое случилось, я бы, наверное, сдох от ненависти, а он – ничего, улыбался, веселый такой был мужик, и детишек очень любил, и на жизнь никогда не жаловался, во всяком случае, я ничего такого от него не слышал. Рассказал про свои спортивные достижения, первенства, призы и кубки, которые выигрывал.

– Родители, значит, учителя, – констатировал Руденко, вытирая губы салфеткой. – Это хорошо. Мы с тобой, значит, родственные души получаемся. У меня мать в гороно работала, тоже всю жизнь со школами и учителями дело имела. Ты небось и не знаешь, что такое роно.

– Почему же, знаю, – улыбнулся я. – Мама рассказывала. И папа тоже. Когда я был маленьким, гороно еще был, и я постоянно про него слышал. Туда все время кого-то вызывали, а оттуда приходили руководящие указания.

– Все верно. Личная жизнь у тебя как устроена? Женат?

– Нет. И не был пока. Детей тоже нет.

– С бабой какой-нибудь живешь?

– Сейчас нет.

Ответил я машинально, а сам в это время подумал, что манера общения у этого дядьки как-то плохо соединяется в моем представлении с бескорыстной помощью молодым поэтам. Ой непросто там все, ой непросто, не зря Нана беспокоится. Руденко больше похож на заурядного бандюка в возрасте, чем на спонсора малопрестижных литературных изданий.

Он задал мне еще множество вопросов, после чего подвел итог:

– Ладно, ты мне подходишь. Завтра придешь ко мне домой, познакомишься с Даной, посмотришь комнату, в которой будешь с ней заниматься, и составишь список, чего там купить надо или сделать. Я в этом не разбираюсь. Что скажешь – куплю. Остальное за тобой.

– Дана? – переспросил я. – Редкое имя.

– Богдана. Украинское имя. У меня жена из Украины, дочку в честь деда своего назвала, его Богданом звали. У нас еще старший сын есть, он сейчас в Англии учится, так она его в честь своего брата назвала Тарасом.

Он вдруг посмотрел на меня хитро-хитро и впервые за весь разговор улыбнулся. Правда, коротко и скупое, но все-таки это была улыбка.

– Я своей жене всегда уступаю в мелочах, пусть думает, что она тоже что-то может. Но имей в виду: хозяин в доме – я, и только я. И все вопросы решать только со мной. Ты понял?

– Понял, – кивнул я. – Все вопросы – только с вами.

– И еще: четкость и организованность. Никаких опозданий, прогулов, пропусков занятий. Составишь план, заведешь дневник, будешь все записывать. Я буду регулярно проверять.

Ишь ты! План, пропуски занятий, дневник... Сразу видно, что мамаша в гороно работала. Не зря говорят, что все мы родом из детства.

– Приезжать будешь к семи утра, – продолжал между тем Михаил Олегович.

Я чуть не поперхнулся. Как – к семи утра?! С какой это стати? Это где ж вы видели такой рабочий день? Но возмутиться вслух я не успел, потому что вспомнил об обещанной зарплате. Наверное, потому она такая высокая, что у Руденко требования просто офигенные.

– С семи до девяти занимаешься с Даной, потом у тебя перерыв. С девяти утра до двух она занимается школьной программой. С семи вечера – опять твое время.

– И до скольких? – безнадежно уточнил я.

– Пока она не похудеет и не станет похожа на человека, – отрубил он.

Хороший ответ. Типа «от забора и до обеда».

– С девяти до семи я должен находиться у вас дома или могу уходить?

– Делай что хочешь. Мне нужен результат. Если нужно, можешь оставаться у меня ночевать, комнату я тебе выделю.

Ах ты ж елки-палки, какие мы широкие натуры! И комната для тренажеров у нас есть, и свободная комната для тренера найдется. С таким размахом ему бы во дворце жить, а не в городской квартире. И в самом деле, странно, что он живет в городе, а не в особняке, Нана права.

– Вы сказали, что ваша дочь из дому не выходит.

– Ну.

– А в школу как же?

– Никак. Она в школу не ходит. У нее домашний репетитор. Химия там всякая, физика, математика, английский. Остальное она сама осваивает, по учебникам. Экстерном будет сдавать. Ничего, мозгов хватает. Ну что, Павел Фролов, по рукам?

Он протянул мне широкую ладонь, и я ее пожал.

Ё-моё, во что я ввязываюсь?

* * *

Дома я первым делом позвонил одной из моих прежних «квартирных хозяек», которая славилась своей обширной многолетней практикой снижения веса. Я вообще люблю полнокровных девушек, чтобы бедра были, грудь, попа, и мне Светка ужасно нравилась со всеми своими килограммами. Но эти килограммы так же ужасно не нравились ей самой, и она с ними постоянно боролась. Вот ее-то телефонный номер я и набрал и попросил поделиться опытом и элементарными основами похудательных знаний.

– А тебе зачем? – удивилась Светка. – Ты вес набрал, что ли?

Мне не хотелось живописать ей в красках горестные перипетии своей жизни, поэтому я соврал:

– Это не для меня, а для моей подруги. Я вспомнил, что у тебя это здорово получалось.

– Ну да, – она довольно усмехнулась, – жаль, ты меня сейчас не видишь, у меня уже сорок шестой размер.

А был, насколько я помню, пятьдесят второй. Какая роскошная была герла! Сейчас, в сорок шестом размере, я бы на нее даже не посмотрел.

– Молодец, – неискренне похвалил я Светочку. – Так что ты мне посоветуешь? Я уже и тетрадку приготовил, и ручку, буду записывать.

– Значит, так, – деловито начала она. – Какой у нее рост?

Фу-ты, черт, откуда я знаю-то? Я ее в глаза не видел, эту Богдану Руденко. Но, судя по габаритам папаши, она не должна быть высокой.

– Примерно сто шестьдесят пять, – брякнул я наугад. – А что, это имеет значение?

– Ну конечно. А вес какой?

Еще не легче! Ну и остопоп же я, чего я затеялся с этим разговором сегодня? Не мог до завтра подождать, что ли? Завтра я познакомлюсь с девочкой и буду знать точные ответы на все Светкины вопросы. Но мне, честное слово, в голову не пришло, что она будет об этом спрашивать. Надо выкручиваться.

– Свет, она же женщина, она от меня эти цифры скрывает. Просто комплексует ужасно, что у нее лишний вес.

– Понятно, – снова усмехнулась Света. – Но сколько этого лишнего веса? Ну хотя бы примерно. Десять килограммов, двадцать, тридцать. Или, может, сто?

А черт его знает, может, и сто. Если девчонка даже в школу не ходит, потому что стесняется сама себя, значит, там проблема – ого-го! Я напряг свои скудные знания анатомии и физиологии и быстро прикинул, что в пятнадцать лет при росте сто шестьдесят пять сантиметров девочка должна, чтобы хорошо выглядеть, весить килограммов пятьдесят – пятьдесят пять; если она будет весить восемьдесят, она будет выглядеть толстушкой, но не до такой степени, чтобы стесняться ходить в школу. А коль в школу она не ходит, значит, вес перевалил, скорее всего, за девянносто. Стало быть, лишних получается килограммов сорок. Или даже пятьдесят.

– Сорок, – произнес я не очень, впрочем, уверенно. – Или около того.

– Ладно, записывай. Сначала расскажу про питание, потом про упражнения, потом подеюсь некоторыми своими ноу-хау. Кстати, твоя нынешняя пассия винегретик любит? Или селедочку под шубой?

– Конечно, – тут же ответил я.

А какой же русский человек не любит винегрет? Самая что ни есть наша национальная еда.

– Исключить категорически, – отрезала Светка и дальше начала рассказывать такое, что у меня волосы на голове зашевелились от ужаса. Она диктовала перечень разрешенных продуктов и способы их приготовления, а я записывал и удивлялся: как это вообще можно есть? Проще умереть от голода, чем давиться всем этим. Один шпинат чего стоит, я, например, на него даже смотреть не могу, не то что принимать внутрь.

Когда дело дошло до Светкиных ноу-хау, моя бывшая подружка снова меня огорошила неожиданным вопросом:

– Она подкусывает?

– Кого? – не понял я.

– Ну, я имею в виду – заедает?

– Что заедает?

– Да все, что угодно: волнение, стрессы, мелкие неприятности, долгое ожидание. Она хватается за бутербродики или конфетки, когда места себе не находит?

– Это да, что есть, то есть.

Тут я не колебался ни минуты. Руденко же сам сказал, что дочка разъелась.

– Курить бросала?

Это в пятнадцать-то лет, да при таком папаше? Наверняка даже и не начинала.

– Нет, она никогда не курила.

– Мой тебе совет: купи ей пазлы, пусть складывает. Это мое собственное изобретение в борьбе с обжорством. Я тебе клянусь, это занятие так засасывает, что забываешь обо всем, ну буквально обо всем, даже о том, что по телику твой любимый сериал идет. Оторваться невозможно, ни о каких бутербродах и конфетах даже речь не идет. Вот попробуй, сам увидишь. Она у тебя перед телевизором подолгу сидит?

Если б я знал! Но, наверное, подолгу, чем ей еще заниматься, если она никуда из дому не выходит?

– Да.

– Вот видишь, ее надо обязательно оторвать от экрана.

– А зачем?

– Господи, Паша, какой же ты тупой! Когда сидишь на диване и тарацишься в ящик, то милое же дело чайку попить с чем-нибудь. В одной руке бутерброд, в другой чашка, глаза в телевизор уставила – и вперед. А когда пазлы складываешь, обе руки заняты. Да, чуть не забыла: картинка должна быть большая, так что покупай трехтысячники.

– А какая разница? – глупо спросил я. – Что один на три тысячи, что три по тысяче.

– Ну ты точно тупой, – горестно вздохнула Светлана. – И как я с тобой целый год прожила – не понимаю. Трехтысячник отличается от тысячника тем, что он большой. Размер в два

раза больше, а самих пазлов – в три. То есть картинку ты складываешь на одном столе, а пазлы лежат на другом, на один стол все не умещается, а если у тебя огромный стол, например теннисный, и на нем все умещается, то рукой не достать и глазами не видно. Все время приходится вставать, чтобы набрать подходящие по цвету фишки или найти то, что надо. Встал, сходил за фишками, принес, сел, приложил, подумал, опять встал, и так до бесконечности. Потом, по мере заполнения картинки, из положения сидя становится плохо видна верхняя часть, и все время нужно вставать, чтобы разглядеть, что там наверху. Опять же: сел – встал, сел – встал. Казалось бы, ерундовая нагрузка, а все равно нагрузка на мышцы, все равно движения, и это ведь не пять минут, а пять часов, шесть, а то и больше. Я, например, в выходные дни часов по двенадцать-четырнадцать пазлы складываю. И жрать, между прочим, совершенно не хочется, я о еде вообще в это время напрочь забываю. Для меня суббота – святой день, только кефир и пазлы. И вес уходит преотлично.

Светка дала мне еще несколько мудрых советов психологического плана, но я понимал, что некоторые из них пролетали, как говорится, мимо денег. Например, я должен регулярно, то есть по нескольку раз в день, говорить своей мнимой подруге о том, какая она красивая и как я ее хочу. Тем самым я якобы буду снимать у нее страх оказаться непривлекательной, а любые страхи, как известно, способствуют набору лишнего веса. Интересно, как это будет выглядеть, если я начну рассказывать пятнадцатилетней ученице, что она жутко красивая и я ее жуть как хочу? Наверное, минут через пять-семь меня выгонят без выходного пособия. А то и под суд отдадут за растление несовершеннолетней.

Закончив ликбез у Светланы, я открыл в тетрадке чистую страницу и принялся составлять перечень физических нагрузок и необходимых для этого тренажеров. Хотелось к завтрашней встрече оказаться во всеоружии и произвести впечатление человека если и не очень опытного, то хотя бы знающего.

Последнее, что я сделал в тот день, – сообщил хозяйке квартиры, что самое позднее через месяц я освобожу жилплощадь, потому что нашел работу и смогу снимать жилье, так что она может начать подыскивать покупателя. Сообщение было принято с благодарностью и нескрываемой радостью, и я лег спать с ощущением, что жизнь наконец-то начала налаживаться. О своей шпионской миссии я ухитрился очень удачно забыть, чтобы не портить хорошее настроение. У меня вообще мозги удобно устроены, они никогда лишней секунды не думают о неприятном, зато с удовольствием воспринимают все позитивное. Отсюда и все мои беды.

* * *

Я безнадежно опаздывал и клял себя последними словами за то, что не догадался, а точнее сказать – поленился выехать из дому пораньше, чтобы иметь запас времени на петляние по старомосковским переулкам в поисках нужного адреса. А ведь мой новый шеф предупредил – никаких опозданий! И надо ж так, первое же мое появление в его доме начнется именно с опоздания. Вот дурак-то я, поискать еще таких.

Наконец указанный в бумажке дом обнаружился, причем в каком-то весьма странном месте: имея официальный номер 37, он спрятался в глубине между номерами 29 и 31, и я раз двадцать как минимум мимо него проскочил, пока не нашел. Видок у домика был чудной, вековой давности покосившиеся оконные переплеты чередовались с дорогими стеклопакетами, и я сообразил, что это, скорее всего, частично расселенные коммуналки.

Так и оказалось. Я поднялся на третий этаж и увидел вместо четырех дверей, как на первых двух этажах, всего одну, массивную, стальную, на которой бронзово переливался единственный номер квартиры. Стало быть, богатенький дядя Михаил Руденко купил под собственные нужды целый этаж. Ну и неудивительно, что у него до хранища комнат и найдется конура для ночевки бедолаги-тренера. Спрашивается в задачке: зачем ему весь этот геморрой, когда

можно было за куда меньшие деньги построить домик за городом? Может, он принципиально городской житель, которого на открытых просторах охватывает паника? А что, такое бывает, сам видел.

На мой звонок долго никто не открывал, и я сперва испугался, что разгневанный хозяин не стал меня ждать и демонстративно ушел, но потом подумал, что расстояния в этой квартирке, наверное, очень большие. Пока до входной двери дотащишься...

На всякий случай я позвонил еще раз, и почти сразу дверь распахнулась. На пороге стояла очаровательная девушка без единого лишнего килограмма. Во всяком случае, на мой вкус она была даже худовата. Хотя я, повторяю, люблю полнокровные тела, а у Михаила Олеговича представления о женской, а тем более – девичьей красоте могут быть несколько иными. Даже, я бы сказал, иными радикально. Ну что ж, больному легче. И тут же в моей дурацкой голове замелькали привлекательные картинки моих занятий с этой очаровашкой.

– Здравствуй, – я улыбнулся как можно дружелюбнее, – ты Дана? Я твой тренер, меня зовут Павел.

– Еще чего, – фыркнула очаровашка. – Зачем мне тренер? У меня и так все в полном шоколаде. Разве не видно?

Она сделала шаг назад и пируэт, чтобы я мог со всех сторон разглядеть и оценить ее стройную фигурку. Вот это уже интересно. Девочка считает, что у нее все в полном порядке, а из дому выходить стесняется и даже школу не посещает. Это почему бы? Кто тут кого дурит?

– Ты в отличной форме, – осторожно сказал я, входя в прихожую и затворяя за собой дверь. – Но твой папа, кажется, считает, что тебе надо чуть-чуть подкачаться. Во всяком случае, он меня для этого нанял на работу. Ну что, будем знакомиться?

В рамках процедуры знакомства я протянул руку и посмотрел в лицо девушке. Да, молоденькая, свеженькая, но ей никак не пятнадцать. И что бы вы мне ни рассказывали про акселерацию, я голову готов был дать на отсечение, что она старше, причем прилично старше.

Очаровашка жеманным жестом протянула изящную кисть и пропела:

– Юля.

Я оторопел. Какая еще Юля? Старшая сестра? Но Руденко говорил, что у него, кроме Даны, есть еще сын, который сейчас учится в Англии, а про вторую дочь никакого базара не было. Подруга? Да, скорее всего.

Наверное, рожу у меня в тот момент была очень выразительная, потому что девушка расхохоталась.

– А ты подумал, что я – Данка, да? Да ты что, в своем уме? Разве я похожа на бегемотиху? Очень мило. И главное – доброжелательно.

– Ты – подруга Даны?

– Еще чего, – снова фыркнула Юля. – У Данки вообще подруг нет. Кому она нужна, корова безрогая? Я ее сестра. Не родная, – уточнила она, – двоюродная. Моя мама и дядя Миша, Данкин отец, – родные брат и сестра. Ладно, чего ты стоишь? Пошли, я тебя к Данке отведу.

Путь был неблизким. По дороге я оглядывался, пытаюсь разобраться в планировке и хоть как-то сориентироваться, но у меня почти ничего не получилось. Впрочем, топография никогда не была моей сильной стороной. Но одно я успел понять: деньжищ сюда вгрохано – ой-ей-ей сколько. Не ампиры, конечно, но все, от плинтусов до светильников, – дорогое и хорошего качества.

Перед одной из многочисленных дверей мы остановились, Юля подергала за ручку и громко произнесла:

– Данка, открывай давай, к тебе твой физкультурник пришел.

Н-да, сестренку мы не любим и тактичностью не отличаемся. За дверью послышались тяжелые шаги, мягко чмокнул поворачиваемый в замке ключ, и я увидел наконец свою буду-

щую подопечную. Картина, надо сказать прямо, была устрашающая. Я такие фигуры видел в группах американских туристов, среди которых довольно часто попадаются разжиревшие на гамбургерах и чипсах девочки-подростки. А еще я смотрел симпатичный фильм, тоже, кстати, американский, под названием «Любовь зла», и сейчас передо мной стояло нечто вроде главной героини этой комедии. Ну, в общем, кто кино смотрел, тот меня поймет, а кто не видел, пусть поверит на слово.

– Здравствуй, Дана, – негромко произнес я. – Можно войти?

Она молча отступила в сторону, освобождая мне дорогу, и я сразу же закрыл за собой дверь. Мне почему-то казалось, что стройная Юля не должна присутствовать при нашей встрече.

Я осмотрелся. Комната просторная, светлая, но не похоже, что Дана здесь спит. Два стола – письменный и компьютерный, стеллажи с книгами, музыкальный центр, телевизор, два мягких дивана и три кресла, одним словом, обстановка для занятий и отдыха, но не для ночевки. Наверное, у девочки есть еще отдельная спальня, а здесь она проводит время днем. И запирается при этом на ключ. Ну и нравы в этой семейке. Интересно, от кого она запирается? Похоже, кроме нее и Юли, в квартире сейчас никого нет, в противном случае меня непременно встретил бы кто-нибудь из взрослых представителей Руденко, все-таки посторонний человек, молодой мужчина первый раз приходит в дом, где нет никого, кроме двух беззащитных молоденьких девушек... Может, у меня провинциальные представления?

– Давай присядем, – предложил я. – Куда можно?

Дана по-прежнему молча показала на один из диванов и на кресла, мол, выбирай сам. Я выбрал кресло. Она села на диван, довольно-таки далеко от меня, не за километр, конечно, но и не рядышком, как садятся, когда собираются вести доверительную беседу. Молчит, садится подальше. Что это? Она меня боится? Не доверяет? Стесняется?

– Меня зовут Павел, твой папа пригласил меня, чтобы я занимался с тобой фитнесом. Он считает, что нужно что-то делать с твоим весом. А ты сама как считаешь? Нужно что-то делать?

Дана пожала плечами и отвела глаза в сторону. Впрочем, вру, ни в какую сторону она их не отводила, как не смотрела на меня – так и продолжала не смотреть. Странная девочка.

– Я спрашиваю потому, что если ты не согласна с Михаилом Олеговичем, если ты считаешь, что у тебя все в порядке и тренер тебе не нужен, то я сейчас уйду и больше не появлюсь. Никто не собирается ничего тебе навязывать, никто не будет силой заставлять тебя заниматься.

Уж в этом-то я совсем не был уверен. Михаил Руденко не производил впечатления человека, которому можно просто сказать: нет, не буду, – и вопрос снимался. Похоже, нанять тренера для растолстевшей дочери было его собственной идеей, которую он с Даной не обсуждал, а просто поставил ее перед фактом, нимало не сомневаясь в том, что его указание будет принято с радостью.

И снова молчание и отведенные в сторону глаза. Да что же это такое, а? Она вообще собирается со мной общаться хоть как-нибудь или нет? И что я в таком случае здесь делаю?

– Дана, – строго сказал я, – давай разделим проблему на две части. Есть вопрос занятий и есть вопрос личности тренера. Может быть, ты хочешь заниматься, но я тебе не нравлюсь? Так и скажи, я пойму, никаких обид, честное слово. Михаил Олегович найдет тебе другого тренера. Или ты все-таки не хочешь именно заниматься?

Ну наконец-то! Длинные, рассыпавшиеся по плечам волосы всколыхнулись, слегка повернулась голова, огромные зеленовато-серые глаза уставились на меня с немым вопросом и, как мне показалось, с тайной надеждой.

– Вы сможете сделать так, чтобы... – Она запнулась, и тут только до меня доперло, насколько болезненна для нее проблема. То есть настолько, что она даже вслух произнести не может. – ...чтобы мне помочь?

Голос тихий, дрожащий, но тембр очень приятный.

– Смогу, – уверенно ответил я, хотя меня, конечно же, одолевали сомнения. Наслушавшись накануне Светкиных указаний, я примерно представлял себе, что первые несколько килограммов уйдут легко и быстро, уж очень их много, и среди всего лишнего, что висит на Дане, изрядное количество составляет задержавшаяся вода, избавиться от которой будет совсем несложно. Если не знать, что дело в воде, может создаться вредная иллюзия быстрого похудения (или все-таки похудения?), и когда потом процесс притормаживается, начинаются разочарования. Кстати, та же Светка сказала мне, что на этом основаны очень многие «быстрые» диеты: они бессолевые, мочегонные, с человека просто-напросто сходит отек, а он, глупенький, думает, что сбросил вес, потому что избавился от жира, и страшно удивляется, когда через несколько дней килограммы возвращаются назад. Для того чтобы вывести лишнюю воду, нужно всего-навсего перестать есть соленое и сладкое и побольше пить, и через три-четыре дня весы покажут тебе нечто приятное, а вот чтобы заставить жир сгорать, надо прилагать поистине нечеловеческие усилия, на которые способна далеко не каждая женщина, и проявлять недюжинное терпение. Судя по одутловатому лицу, водички в Дане скопилось немало, и первые быстрые и эффектные результаты я, основываясь на полученных от Светланы знаниях, обеспечить смогу. А там посмотрим.

Девочка тяжело поднялась с дивана и двинулась к двери.

– Папа велел, чтобы вы посмотрели комнату, где будут тренажеры. И вашу комнату я вам тоже покажу. Вы составьте список, что нужно купить и как расставить. Папа придет в четыре, вы с ним все решите.

Она вышла из комнаты, не глядя на меня, уверенная, что я последую за ней. Кто сомневается в силе генов – пусть плюнет мне в глаза. Дана и разговаривает такими же короткими рублеными фразами, как ее папаша, и характер у нее, похоже, точно такой же. Чует мое сердце, несладко мне здесь придется. Но за такие деньги, какие мне были обещаны, я готов терпеть все, что угодно.

На этот раз наш путь вышел куда более коротким: помещение для фитнеса было выделено рядом с комнатой Даны, буквально через дверь. Размеры его меня более чем удовлетворили: и площади достаточно, и света, и воздуха. Я достал свою заветную тетрадочку, в которой уже записал несколько пришедших мне в голову бредней, сверился с составленным заранее списком и принялся набрасывать план расстановки тренажеров. Ничего сверхъестественного, все стандартно: дорожка, велоэргометр, комплексная доска, чтобы качать пресс, комплект женских гантелей, степпер, коврик для гимнастики, алюминиевый утяжеленный обруч, набор резиновых эспандеров, массажный стол, напольные весы с мини-компьютером, показывающие процент жира и воды. Перед дорожкой нужно поставить телевизор, чтобы не скучно было наметывать километры. Предусмотреть столик для музыкального центра и дисков. Еще один столик для массажных принадлежностей, всяких там полотенец, кремов и лосьонов. Да, и обязательно повесить на стену что-то типа доски для объявлений и приобрести несколько больших листов ватмана, длинную линейку и набор фломастеров разного цвета. Эта идея посетила меня рано утром, когда я, разминаясь, думал о своей предстоящей работе и о том, что я, как и мой отец, в конце концов превращаюсь из знаменитого бойца в обыкновенного учителя физкультуры. С отца мысль, вполне естественно, перескочила на маму, и я вспомнил, как она постоянно повторяла: планы, графики, наглядные пособия, дидактические материалы... Эти слова, так же как и зловещее слово «гороно», я слышал с самого раннего детства.

– Вот смотри, – я показал Дане, которая молча стояла рядом, ничего не говорила и вопросов не задавала, свой коряво выполненный план, – здесь будет дорожка и телевизор...

Она внимательно смотрела, слушала мои объяснения, но по ее лицу не было понятно, нравится ли ей то, что я предлагаю.

– А вот здесь будет висеть доска с графиками, – закончил я обзор экспозиции.

– С какими графиками?

– Мы будем ежедневно отмечать уровень нагрузки и твои параметры.

– Так нужно?

– Так нужно, – твердо сказал я.

Осмотр моей будущей комнаты тоже неожиданностей не принес. Обычная комната, два окна, четыре стены, никакой мебели. То есть совсем никакой. Пусто и голо. Чего попросить-то? В том смысле, чтобы не оказалось сверх меры нагло. Что-то такое папаша Руденко бормотал насчет возможности оставаться ночевать, стало быть, попросить спальное место будет уместно. Или нет? Перечень собственных нужд я на всякий случай составил по минимуму: диванчик, пара стульев, шкаф (нужно же куда-то складывать и вешать одежду, переодеваясь для занятий) и телевизор. Если мои новые хозяева имеют хоть каплю человеколюбия, остальное домыслят сами.

Я уже заканчивал свой скудный список, когда понял, что в квартире мы с девочками вовсе не одни. Послышались голоса, по меньшей мере три разных, и один из них – мужской, а ведь никаких звонков в дверь, кажется, не было. Или я не услышал?

– Дана, обедать! – донеслось звонкое и требовательное.

Дана молча сделала мне знак следовать за ней. Интересно, она всегда такая болтливая или только сегодня, по случаю первого знакомства?

– Мне кажется, звали только тебя, – осторожно заметил я, не трогаясь с места.

Очень не хотелось в первый же свой визит оказаться неожиданным гостем, который хуже сами знаете кого.

– Папа сказал, чтобы вы с нами пообедали и ждали его. Он скоро придет.

Скучно, но информативно. Может, зря я беспокоюсь насчет ее разговорчивости? Все необходимое она все-таки произносит, а иметь дело с неостановимой болтушкой как-то тоже не улыбается, не будешь потом знать, куда деваться.

Длинный путь по коридору закончился в просторной столовой, где, к моему немалому удивлению, обнаружилась целая толпа: помимо уже знакомой мне очаровашки Юленьки, за большим овальным столом сидела пожилая дама, женщина под полтинничек, выглядящая усталой и болезненной, рядом с ней крупная красивая ухоженная тетка с выражением надменной озабоченности на холеном лице, еще одна женщина лет вокруг тридцати, очень хорошенькая, парень примерно моего возраста, в очках и жутко серьезный, и энергично ерзающий пацаненок на вид лет четырех-пяти. Да, немаленькая семейка у этих Руденко... Или это все гости, званные к обеду? И кто здесь главный?

Я не без труда вспомнил мамины уроки хорошего воспитания, поздоровался и представился. Первой мне ответила Ухоженная:

– Садитесь, Павел, сейчас будем обедать. Нас много, вы нас всех, наверное, с первого раза не запомните, но это ничего, со временем привыкнете. Дану и Юлю вы уже знаете. Я – Лариса Анатольевна, жена Михаила Олеговича.

Стало быть, главариха здесь – она. Учтем. Я вежливо улыбнулся, повторив про себя имя и отчество. Можно перепутать и забыть кого угодно, только не ее, ведь у меня есть еще задание Наны, а с главой семьи общаться мне, по-видимому, придется мало и редко, так что основным источником информации должна стать именно хозяйка. Маловероятно, чтобы остальные присутствующие знали что-нибудь из того, что меня интересует. Если только этот парень в очках, наверное, он какой-нибудь секретарь или помощник. Его тоже надо запомнить, чтобы не перепутать имя.

– Это – Валентина Олеговна, – Ухоженная кивнула на сидящую рядом Болезненную, – сестра моего мужа, Юлина мама. А это моя свекровь, Анна Алексеевна, мать Михаила Олеговича и Валентины Олеговны. Пока все понятно? Не запутались?

Она улыбнулась так широко и приветливо, что мне сразу полегчало. Может, она не такая надменная, как показалось вначале? А что? Нормальная тетка, понимает мои трудности. Пожа-

луй, с ней я общий язык найду. Быстренько повторим, пока из головы не выветрилось: Лариса Анатольевна – жена хозяина, Валентина – сестра, старушка Анна Алексеевна... или Александровна? Вот черт, уже забыл. Нет, кажется, все-таки Алексеевна, – мамаша главы семьи. Юля – племянница. Дана – дочка. Остались еще молодая красоточка, парень и пацан. Как бы в мозгах все удержать? Ладно, Фролов, не паникуй, прорвемся.

– Артем – домашний учитель Даны, – продолжала хозяйка.

Я моментально расстроился. Значит, на парня надежды никакой, он такой же наемный служащий, как и я, и ничего интересного не знает. Наверное, секретарь и помощник – та красоточка, которую пока не представили. Очкарик Артем встал и протянул мне руку, которую я с чувством пожал: как-никак родная душа, коллега, так сказать, по работе, пусть он ничего и не знает, но зато с ним можно дружить.

– Елена – моя дальняя родственница, она живет с нами, – Лариса Анатольевна сделала короткий жест в сторону красоточки, – а Костик ее сын.

Голос у Ларисы при этих словах стал каким-то странным, не то холодным, не то высокомерным, и я понял, что Елена – из разряда родственников не только дальних, но и бедных, которых привечают по долгу семейных отношений и терпят с трудом. Опять облом... Никакой она не секретарь и не помощник, просто член семьи, из милости допущенный к кормушке.

Прекрасная Елена робко и как-то затравленно улыбнулась мне, подтвердив мои подозрения касательно ее статуса, а маленький Костик, подражая очкарику Артему, вскочил со стула и протянул в мою сторону тоненькую ручонку.

– Привет, – как можно добродушной произнес я, обхватывая пальцами его крошечную влажную ладошку.

Меня посадили рядом с Артемом, и я понял, что это отныне станет моим постоянным местом. Еще хотелось бы понять, меня наняли на службу «со столом» или сегодняшнее приглашение к семейному обеду вызвано исключительно необходимостью познакомиться? Надо будет у Артема спросить.

Распахнулась дверь, высокая худощавая женщина внесла большой поднос и ловко поставила на столе закуски. Лариса взяла в руки приборы, что было расценено всеми как сигнал к началу. Первые две минуты я с удовольствием жевал заливную осетрину, потом вспомнил вчерашнюю Светкину лекцию и свою задачу в этом доме и переключил все внимание на Дану, сидящую напротив, рядом с матерью. Что и говорить, покушать в семье Руденко любили и умели, об этом можно было судить даже по закускам, а ведь еще будут суп, второе и десерт. Господи, на Дану страшно было смотреть! Она мела все подряд: рыбу, салаты двух видов, тарелочки с каким-то паштетом, наверняка жирным и калорийным, причем огромными порциями, при этом глаза не поднимала, и лицо ее не выражало ни малейшего удовольствия. Просто, что называется, «метала в топку горячее». Зачем она столько ест, если это не приносит ей никакой радости? Столько «горючего» ее организму не требуется, если учесть тот образ жизни, который она ведет. Я скосил глаза на Юлину тарелку: девушка медленно и вяло клевала зелень и нарезанные кружочками свежие огурцы. Вот и умница. Надо будет улучшить момент и поговорить с Ларисой Анатольевной насчет питания Даны, пусть ей готовят отдельно, что ли...

Отражение 1

Юля

Ненавижу ее, ненавижу, ненавижу! Почему ей все, а мне – ничего? Почему этой толстозадой дуры повезло родиться у дяди Миши и тети Лары, а мне – у этой никчемной неудачницы? Господи, ведь даже развестись толком не смогла, ничего не взяла, не отсудила у папаши, не поделила, просто ушла – и все. Живем теперь в чужой семье на птичьих правах, каждой подачке радуемся. А эта дура Данка все имеет и ничем не пользуется, сидит в своей комнате и уроки зубрит, жиреет день ото дня и впадает в неврастение. Сколько возможностей пропадает! Могла бы с родителями в отпуск ездить, полмира уже объездила бы, а уж я сумела бы сделать так, чтобы она без меня обойтись не смогла, обожала бы и в глаза заглядывала, и дядя Миша обязательно брал бы меня тоже в эти поездки. Главное – начать, а дальше все само как-то втягивается, и на приемы, банкеты и тусовки всякие, куда дядю Мишу приглашают с семьей, меня бы тоже начали брать. А если так, то нельзя же привести с собой бедно одетую родственницу, не комильфо, и дядя Миша покупал бы мне дорогие тряпки и хоть какие-нибудь бронзюшки. А я уж остальное сама бы сделала... Во всяком случае, приличного мужа точно нашла бы. Так ведь нет! Данка-дура сидит сиднем, никуда не ходит, не ездит, нигде не бывает. Теперь вот спортсмена какого-то ей сосватали, чтобы жир согнать. Идиоты! Со мной бы кто-нибудь так носился...

А этот физкультурник – очень даже ничего, симпатичный, высокий. Надо будет попробовать с ним закрутить, все равно делать нечего, скучно, да и Данке назло, она ревнивая – жуть просто, терпеть не может, когда ее вещи берут, и ей наверняка не понравится, если ЕЕ тренер будет оказывать МНЕ знаки внимания. Ну и пусть, хоть какое-то развлечение. Конечно, домашний тренер – это не престижно, даже если я его окучу, толку с этого не будет ни грамма, тем более он хромает, не сильно, конечно, но все равно... На фиг мне хромой муж? Но, может быть, это временно? Дядя Миша вчера сказал, что этот Павел попал в аварию и что-то там повредил, поэтому временно ушел из большого спорта. Ну, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное, вон мы с мамой тоже когда-то «только временно» поселились здесь, а что вышло? Уж сколько лет живем, и никаких перемен не предвидится.

Черт, как рыбы хочется! И таргалетку с паштетом из гусиной печени я бы с удовольствием слопала, но этот физкультурник так внимательно смотрит всем в тарелки, изучает, кто что ест, а мне надо произвести на него впечатление, так что буду давиться огурцами и деликатесов не замечать, будто их и нет вовсе. Нет, правда, очень этот спортсмен сексуальный, обязательно надо им заняться. В конце концов, пусть не замуж за него идти, но у него тоже наверняка есть своя тусовка, друзья какие-нибудь, он с ними в клубах встречается, всякие интересные места посещает, вот и будет меня с собой брать, а там все втянется... Вырваться отсюда, вырваться любой ценой!

Но лучше бы, конечно, просто оказаться на месте дуры Данки, она все равно своего места не ценит. Елы-палы, пятнадцать лет девке, я в ее возрасте уже трахалась вовсю, а она? Привели ей сперва домашнего учителя, теперь вот тренера, оба молодые мужики, один другого лучше, так хоть бы капля женственности проснулась! Нет ведь, сидит, глаза уткнула в тарелку и жрет, жрет, жрет, как свинья, даже вкуса не замечает. Как осетрины хочется... Ненавижу! Убила бы ее, честное слово. И мать свою, дуру-неудачницу, тоже за компанию замочила бы. И дядя Миша с тетей Ларой меня бы удочерили. А что им останется? У них не будет дочери, у меня – матери, тем более родная кровь. Хотя для удочерения я уже слишком взрослая, совершеннолетняя, но все равно, я осталась бы с ними и оказалась на месте Данки. Что и требовалось доказать.

А лучше всего было бы всех убить и остаться единственной наследницей. Ладно, Ленку с Костиком можно оставить, они – такая дальняя родня, что на наследство претендовать не

могут, выпереть их к чертовой матери отсюда – и дело с концом. Бабку Аню тоже можно пожалеть, она старая, ей много не надо, затолкать ее в самую дальнюю комнату, давать корм три раза в день – и всего-то забот. А остальное тратить на себя, на себя, на себя! Хотя нет, есть же еще дядя Володя и тетя Муза, с ними придется делиться, они тоже наследники. Но они такие... им вообще ничего не надо, живут в обнимку со своей дурацкой наукой, деньгами вообще не интересуются. Дядя Володя... Вот это хай-класс! Просто не верится, что в этой уродской семейке водятся такие люди. Красивый – глаз не оторвать! Жалко, что он мой родной дядя, а то уж я знала бы, как поступить, и никакая серая моль тетя Муза мне не помешала бы. Да нас даже сравнивать нельзя, слепому понятно, что я – лучше. Хотя бы тем, что моложе. Интересно, дядя Володя хоть раз в жизни своей Музе изменил? Ни за что не поверю, чтобы таким красивым и умным мужиком бабы не интересовались, а сексуальный интерес, как хорошо известно, штука заразная, вроде гриппа, флюиды обязательно вызывают ответное волнение. Неужели он ни разу не поддался? Да быть не может! Я, например, всегда сразу чувствую, когда мной кто-нибудь интересуется, и начинаю волноваться. Меня чужой интерес будоражит, заводит.

Разговор за столом какой-то неинтересный, никак мне нашего физкультурника на себя не переключить, он о чем-то с Артемом потихоньку шепчется. Это плохо, сейчас Темка ему напоят невесть чего... Дурачок, влюблен в меня по уши, но безответно, на фиг он мне нужен-то, ботаник бессмысленный! Ну из вредности, чтобы Данке насолить, я с ним раз пять в его комнате закрывалась, подумаешь, от меня не убудет, зажмурилась и перетерпела, даже что-то там постаралась изобразить вроде экстаза, зато сколько удовольствия я получила, когда Данка все поняла! Так теперь Тема считает меня своей любовницей на веки вечные, прохода не дает, в глаза заглядывает и одолевает всякими скабрёзными намеками, он вполне может, если почует в физкультурнике соперника, заранее сообщить ему, что, мол, девушка прочно занята и ручонки не протягивай. Вот этих превентивных сообщений мне как раз и не надо, это мне все планы порушит. Так, баба Аня, кажется, собирается вещать... О господи, как мне надело все!

Отражение 2

Анна Алексеевна

Сейчас сказать или попозже, когда Миша придет? Или, может, вообще не говорить, пока промолчать? Володенька прав, надо сделать так, как он говорит, но почему-то мне боязно... Вот ведь дожила до старости, никогда не боялась детей, всю жизнь ими командовала, а теперь вдруг робость одолевает. Ничего плохого сказать не собираюсь, а все равно почему-то побаиваюсь. Страшно жить в зависимости, все время думаешь, как бы угодить. Мишку не боюсь, он мне поперек слова не вымолвит, Валюшка тоже послушается, Леночка вообще не в счет, она здесь на птичьих правах, ее все это не касается, а вот Лариса... Ох, не люблю я ее, да что там не люблю – терпеть не могу. И вроде бы она Мишеньке хорошая жена, верная, ни в чем таком не замечена, и внуков мне чудесных родила, что Тарасика, что Даночку, но не лежит у меня к ней душа. Вот как с самого начала не лежала – так и не лежит. И, видно, не зря. Жена она, конечно, хорошая, о Мишеньке заботится, он у нее ухоженный, чистенький, сытый, а вот мать она плохая. Тарасика за границу отправила учиться, от себя оторвала и даже, кажется, не скупает по нему. Разве ж это мыслимое дело – семнадцатилетнего мальчика в Англию посылать, да одного, без присмотра, без родительской заботы, ласки, внимания! Чему он там научится? Самостоятельности? Знаю я эту так называемую самостоятельность, заканчивается все тем, что родителей потом в грош не ставят, не слушаются, на все собственное мнение имеют, никаких авторитетов не признают. Дети становятся неуправляемыми, когда родители слишком рано перестают их контролировать, вот это я знаю точно, недаром столько лет проработала в системе народного образования. Даночку Лариска запустила, это ее вина, что девочка превратилась бог знает во что, Володенька давно уже говорил Ларисе и Мишеньке, что надо обратить на дочь внимание, что с ней не все в порядке, а они только отмахивались: дескать, учиться на одни пятерки, учителя не нахвалятся, чего еще надо? А Дана все ела и ела, все кушала и кушала, и мы как-то все проморгали, ведь каждый день ее видим, вроде и не заметно было, что она поправляется, как на дрожжах. И в школе у нее все было хорошо, учителя любили, с одноклассниками дружила, они-то тоже ее каждый день видели, и в глаза особенно ничего не бросалось. А потом Лариске взбрело в голову перевести Даночку в гимназию, в какую-то модную, в которой дети из богатых семей учатся. Вот тогда все и началось... Три дня девочка походила в эту гимназию, будь она трижды неладна, наслушалась про себя всякого, насмешек и издевательств нахлебалась – и всё. Отказалась не то что в школу ходить – вообще из дому теперь не выходит. Никогда не могла понять, для чего все эти новомодные гимназии и колледжи придумали? Как раньше было хорошо: десятилетка для всех, все одинаковые, учатся по единой, утвержденной Министерством среднего и специального образования программе, и учебники у всех одинаковые, и система контроля единая. А теперь что? Непонятно, где учат, чему учат, кого учат и в каком объеме... Безобразие!

Спасибо Володеньке, он хоть как-то на Мишу с Ларисой повлиял, чтобы Даночкой начали заниматься. Тренера вон наняли, может, толк будет. А то заладили: хорошо, что девочка дома сидит, так безопасней, так спокойней, нечего ей по дискотекам шляться, сначала дискотеки, потом мальчишки, потом ночные клубы, потом наркотики – дорожка проторенная, чуть отвлечешься, дашь слабинку – и конец. А мое такое мнение как работника наробраза, что ребенок должен расти в коллективе и обязательно посещать учебное заведение, его знания и поведение должны контролироваться не только педагогами, но и сверстниками, только тогда из него вырастет настоящий человек. Но разве меня слушают? Нет, я не права, Мишенька и Володя ко мне, безусловно, прислушиваются, но делают по-своему. Нет, опять я не права, Володенька делает, как я говорю, а вот Миша совсем под Ларискино влияние попал, в рот ей заглядывает и поперек нее ничего не сделает. Так-то он добрый мальчик, послушный, меня всегда уважал и

любил, а Лариска его совсем испортила. То ли дело Володюшкина жена, Муза, вот уж невестка так невестка – любой свекрови на радость. И ласковая, и спокойная, и меня уважает, и мужа своего любит, и мнение свое никому не навязывает, во всем за Володей следует. Жаль только, что бездетная, слабенькая она, болезненная, в чем только душа держится – непонятно, ну это уж как бог пошлет, он сам знает, кому сколько деток давать. У меня и без того трое внуков, Мишенькиных двое да Валюшкина Юлечка, мне достаточно. Если Володя с Музой без детей живут счастливо – так тому и быть. Хотя мне, конечно, не понять, как это можно быть счастливыми без детей, у нас с Олегом Семеновичем было четверо, я бы и больше родила, если бы не Ванечка. После Ванечки страшно стало. Теперь вот трое остались – старший Миша, средняя Валюшка и младший Володенька.

Ванечка... Так сказать сейчас или подождать другого момента? Нет, подожду, пока Миша придет. Его это тоже касается.

А мальчик этот, Павел, не очень-то воспитанный. Кто его нашел? Миша? Или Лариска выискала? Бог знает где, в какой-то подворотне, наверное. Как это можно – в первый раз прийти в дом не в костюме, без галстука? Что за манера являться в джинсах туда, где тебя еще не знают? И не представился толком, Лариска только и сказала, что Павлом зовут, ни фамилии не назвала, ни биографию его не рассказала. Ну, о ее хорошем, с позволения сказать, воспитании всем и так известно, а мальчик-то что же? Кто его родители? Какое образование получил? Где и кем работал? Надо было бы ему вот сейчас взять да и рассказать нам всем, чтобы все знали, что за человек в дом вхож, а то, может, он вор, или бандит, или, что совсем страшно, растлитель малолетних. Что о нем известно? Ничего. А он, вместо того чтобы нам себя преподнести, сидит и шепчется с Артемом. Не дело это, дурной тон. Надо будет Мише сказать... Хотя нет, я, наверное, лучше Володеньке пожелаю, он на Мишу может повлиять. Надо же, как жизнь интересно поворачивается, Володенька у меня младший из оставшихся в живых детей, а поставил себя как старший, он ведь и в самом деле самый умный и самый добрый из всех троих. Кто бы мог подумать, что он таким станет? В детстве он... Ах, да что вспоминать! Когда он был маленьким, мы с Олегом Семеновичем, царствие ему небесное, были уверены, что толку из него не будет, не станет он настоящим человеком и вся его судьба пойдет наперекосяк. Нам казалось, что он черствый, бездушный, холодный. Уже одно то, как он себя повел в день смерти Ванечки... Даже вспоминать больно. Мы тогда подумали, что он вообще не человек. Да и потом тоже... Ан нет, выправился и по человеческим качествам всех обогнал, всех опередил, и Мишеньку, и Валюшку. И жену себе выбрал хорошую, не то что Миша. Про Валюшку я вообще молчу, у нее семейная жизнь совсем не задалась.

Все, решено, как только Миша сядет за стол – так и скажу. А сейчас всех предупрежу.

– Минуточку внимания! Когда придет мой сын, у меня будет для вас сообщение.

Отражение 3

Артем

Ну, Юлька, ну артистка! Уже вцепилась в новенького, в Пашу. Дурочка, мается от скуки и выискивает, на чем бы интригу слепить. Сидит с постной рожицей, ковыряется в тарелке с бледными овощами, дескать, она такая томная и интересная, питается одним воздухом и капелькой росы, хочет на Павла впечатление произвести. Я-то знаю, какой у нее аппетит! Руденковский, наследственный, в этой семейке обожают плотно и вкусно покушать. Юлке просто повезло, что у нее такой обмен, сколько ни ест – остается стройненькой и изящной, а так-то она наворачивает будьте-нате! Дане, бедолаге, не повезло, но это не ее вина, а Юлькина стройность – не ее заслуга. Так природа распорядилась. Дана вообще в этой семейке самая нормальная, у нее мозги на месте стоят, а у всех остальных они на сто восемьдесят градусов повернутые. Елена дрожит постоянно, как заячий хвост, и всем старается угодить, прямо до маразма доходит, Валентина попивает втихую и думает, что никто этого не замечает, Лариса Анатольевна строит из себя гранд-олигархиню и бесится оттого, что ее муж не обеспечивает ей тот образ жизни, какой она должна, по ее представлениям, вести. Михаил Олегович, конечно, мужик нормальный, ничего из себя не строит, денег до фига, а живет так, как будто у него малый бизнес, даже благотворительностью какой-то занимается, но это и настораживает. Когда у человека сто рублей, а он живет так, словно у него всего десятка, это вызывает, согласитесь, некоторые вопросы. Одним словом, с ним не все понятно. И братец его, Владимир Олегович, не простой типчик. С одной стороны, вроде все понятно с ним, ученый, социальная психология и все такое, и жена у него ученая крыска, тихая и безропотная, на первый взгляд – никаких подводных камней, а что-то в нем есть странное. Все в нем слишком: слишком добрый, слишком умный, слишком тонкий. Подозрений не вызывает – люди бывают всякие, в том числе и такие, но раздражает до невозможности. И жена у него странноватая, редко-редко сюда приходит, ну, может, раз в два-три месяца заглянет, да и то ненадолго, а ведь сам Владимир Олегович здесь каждый божий день бывает, даром, что ли, живет в соседнем доме. На первый взгляд может показаться, что Владимир Олегович любит мать, сестру и брата и каждый день навещает их, а у его жены Музы Станиславовны отношения с родней не сложились, не привечают ее здесь, вот она и старается лишний раз не мелькать. Что ж, бывает. Но ведь это совершенно точно не так. Старуха Анна Алексеевна Музу обожает, сколько я с Даной работаю – уже второй год пошел, – а слышу от старухи в адрес невестки только похвалы, причем абсолютно искренние. И Ларису Анатольевну Муза вроде бы устраивает: во всяком случае, худого слова о ней я здесь вообще ни от кого не слыхал. Да и на мой вкус, она тетка хорошая, доброжелательная, никакого ехидства в ней нет, никакого второго дна, хотя я, конечно, знаю ее совсем мало. Но все равно непонятно, почему она так редко сюда заходит. И еще одна странность: Владимир Олегович – мужик классный, стильный, я совершенно объективно оцениваю. Женщины должны его любить со страшной силой. А он выбрал Музу Станиславовну – ни рыбу ни мясо – и живет с ней уже много лет, причем не ради детей, как у многих случается. Тоже непонятно. Короче, не семья, а сплошные непонятки.

А Юлька – вообще особая статья. Зарится на дядюшкины капиталы, причем так явно, что только слепой не увидит. Но в этом доме, похоже, все слепые и есть, потому что, кроме меня, никто так не считает и Юлькины демонстративные проявления любви к дяде принимают за чистую монету. Ох, как ей хочется красивой жизни! И как она бесится оттого, что все это пролетает мимо кассы! Дядя Миша и тетя Лариса держат ее в строгости, карманных денег не дают, считают, что она уже взрослая и должна жить на собственном обеспечении, достаточно и того, что они дали ей с матерью бесплатную крышу над головой и кормят, а все остальное – будьте любезны самостоятельно. Уж как Юлька к дядюшке с тетушкой подлизывается, уж как

ластится, все пытается им ближе родной стать, надеется, что они расщедрятся. Белыми нитками шито, но никто почему-то не понимает. Впрочем, не зря говорят, что со стороны виднее, а изнутри никогда ничего не разглядишь. А поскольку лишней копейки у нашей Юленьки нет, то по клубам и прочим интересным местам не больно-то походишь, вот она и скучает, а от скуки затевает всякие интрижки на дому, чтобы потом взрастить искусственные переживания и их со вкусом переживать. (Переживать переживания... Ай да я, а еще домашний репетитор. Жаль, моя школьная учительница литературы меня сейчас не слышит, вот она-то порадовалась бы за мой чудесный и богатый русский язык!) Короче, что Юленька наша – та еще штучка, я понял в первую же неделю своей работы у Руденко и страшно забоялся, что она учинит какую-нибудь каверзу и меня с треском выгонят отсюда, а работу терять мне совсем не с руки, платят щедро, где я еще столько заработаю? И решил я, что надо бы девочку приручить, чтобы она меня в свои интриги не впутывала. Дело это несложное, надо только собраться на два-три разочка, отработать с душой, с полной отдачей, а потом можно уже не напрягаться, просто постоянно делать вид, что жутко заинтересован, и давать понять, что ты бы с удовольствием и в любой момент, но обстановка не позволяет. Короче, принцип проверенный, он меня никогда не подводил. И сейчас не подвел. Уже почти год мне удается поддерживать в Юле уверенность, что я влюблен до потери пульса, и она вполне довольна, записав меня в список побед и повысив собственную самооценку. По крайней мере, за год я от нее не получил ни одной каверзы, что, собственно, и требовалось. Теперь она возьмется за Пашу, это сто пудов, она такую возможность поиграть не упустит ни за что, совсем от безделья измаялась, бедняжка, учится в каком-то платном вузе (на бюджетное отделение поступить у нее мозгов не хватило, но на образование добрый дядя Миша денег, само собой, дал), к учебе ни малейшего интереса не испытывает, занимается совсем мало, вот и натирает мозоли на мозгах в поисках внутриквартирных развлечений. А куда уж лучше развлечение, чем стравить в муках ревности старого любовника с новым? Заодно и понаблюдать, как будет страдать Дана, у которой есть такая забавная черта характера: она не любит, когда берут ее вещи, причем этот механизм распространяется и на ситуации, когда кто-то завладевает вниманием ее преподавателя. Поскольку я общаюсь с Даной ежедневно и давно, мне тут все понятно. Девочка искусственно вырвана из нормальной жизни, и она вынуждена строить свой собственный мир, но этот мир в силу объективных обстоятельств оказался очень узким, очень бедным, маленьким, и каждая его деталь, каждый элемент становится на вес золота, и расстаться с ним равносильно потере половины царства. Когда у тебя тридцать одноклассников, утрату внимания приятеля можно легко пережить, потому что вокруг есть множество других людей, есть другие возможности выстроить другие отношения. Когда у тебя нет никого, кроме членов семьи и одного учителя, то ты, совершенно естественно, хочешь, чтобы учитель этот занимался только тобой и на других людей не отвлекался. Я-то, дурак, понял это намного позже, а когда приручал Юльку – ничего этого не знал, потому и не мог предполагать, как Дана расстроится, когда просечет, что у нас с ее сестрой произошло. Теперь-то я уже такую глупость не сделаю, во-первых, мне Дану жалко, я к ней искренне привязался, она мне вроде младшей сестры стала, а во-вторых, я за свою работу держусь, и мне совсем не хочется, чтобы Богдана на меня пожаловалась и меня уволили. Нетушки, фигушки вам, не на того нарвались, мадемуазель Юлия. И Павла надо обязательно предупредить, чтобы он глупостей не наделал. Может, ему эта новая работа и не дорога, а мне нервную систему Даны жалко.

Я методично складываю в желудок деликатесные закуски и тихим шепотом ввожу новенького в курс дела, рассказываю, как здесь организовано домашнее обучение Даны. Павел слушает внимательно, с неподдельным интересом, даже вопросы задает, и мне начинает казаться, что в его лице я найду и понимание, и поддержку, и дружбу, что совсем не лишнее, когда весь рабочий день проводишь среди странных людей, которых не понимаешь.

– Значит, ты занимаешься с Даной с девяти до двух, – уточняет Павел, – а потом? Обедаешь и уходишь домой?

– Ну да, разбежался, – фыркаю я. – Ухожу в свою комнату и жду, когда придет время проверять домашнее задание. Мне тут конурку выделили. Тебе тоже выделяют.

– А что, на следующий день нельзя проверить? – удивляется он. – В школе же сначала учителя домашнее задание спрашивают, потом новый материал дают. У вас что, не так?

– У нас не так. Если половину урока тратить на проверку домашнего задания, то времени на новый материал остается недостаточно. Сейчас объем знаний требуется гораздо больший, чем раньше, чтобы можно было успешно учиться в институте и осваивать профессию. Папа и мама Руденко хотят, чтобы Дана получила очень хорошую подготовку, понимаешь? Не какую-нибудь, а действительно очень хорошую. У нее отличные мозги, она усидчивая, с прекрасной памятью, так что гуманитарные науки осваивает самостоятельно, а вот все остальное – на мне. Физика, химия, математика, биология, и все в расширенном объеме, практически в институтском, плюс компьютерная грамотность, программирование и все такое. Ты пойми, у нас очень не любят, когда дети учатся дома и сдают предметы экстерном, поэтому к ним придираются со страшной силой. Одно дело, когда ребенок инвалид, прикован к коляске или к постели – тогда, конечно, все благородно идут навстречу и закрывают глаза на явные пробелы в знаниях, а когда, как им кажется, ребенок не посещает школу из блажи, только держись. Я же не могу допустить, чтобы моя ученица не сдала годовой зачет, поэтому даю ей намного больше, чем требуется по программе. Вот мы и занимаемся в два приема: утром новый материал, вечером повтор и гуманитарные предметы. Дана читает, я сижу рядом и контролирую, отвечаю на вопросы, если что-то непонятно, потом проверяю, как она запомнила и усвоила. Так что мы с тобой будем работать в две смены: с семи до девяти утра – твоя смена, потом с девяти до двух – моя, потом обед, с трех до семи опять моя очередь, а уж с семи до девяти вечера твоя. Усек?

– Усек, – кивает Павел. – А в котором часу Дана ложится спать?

– Вот уж не знаю, – я пожимаю плечами. – Иногда после наших занятий она смотрит телевизор и читает, иногда ходит к дяде с тетей, они в соседнем доме живут. Она выходит из дома, только чтобы к ним сходить, да и то ждет, когда стемнеет, потому что стесняется, боится, что на улице какая-нибудь сволочь дразнить начнет. Вообще-то я не знаю, как теперь будет. Пока тебя не было, Дана после обеда отдыхала, читала, телик смотрела до пяти, а с пяти до девяти я с ней занимался. Теперь все сдвинулось, так что трудно сказать...

– Слушай, а как получилось, что девчонку так разнесло? – интересуется спортсмен. – Тебе не рассказывали? Это же явно не за один месяц случилось, куда ж они все смотрели?

Я делюсь тем, что знаю. Насчет старой школы, новой гимназии и все такое. Павел слушает, кивает, постукивает пальцами по столу. Краем глаза я замечаю, что старуха слышит этот стук и неодобрительно поглядывает в нашу сторону. Она – поборница хороших манер, правда, насколько я успел понять, представление о хороших манерах у нее основано на представлении о правильном поведении школьников в присутствии учителей. Сидеть ровно, спина прямая, руки сложены на парте перед собой, не вертеться, не шептаться, не отвлекаться от процесса, будь то усвоение знаний или поедание обеда, быть вежливым, вставать, когда к тебе обращаются старшие, и так далее.

– Дана – хорошая девочка, добрая, умненькая, – заканчиваю я повествование и прошу: – Ты уж постарайся сделать так, чтобы ей полегче жилось.

– Я постараюсь.

– Опыт-то у тебя есть?

– Нет, – признается Павел, и я мысленно аплодирую его честности. – Насчет спортивной подготовки я бы справился, это без вопросов, а что с таким весом делать – ума не приложу. Она же никаких нагрузок не выдержит, сердце просто не потянет, а без нагрузок вес не уйдет. Кстати, Артем, а кто тут главный по кухне?

– Лариса Анатольевна. Ну и Нина, конечно, домработница. То есть Нина покупает продукты и готовит, а что именно покупать и готовить и как именно готовить – решает Лариса. Ты на всякий случай имей в виду, что здесь подают все сытненькое и жирненькое, так что если у тебя проблемы с печенью или с желудком...

– Да нет, у меня все в порядке.

– Я только предупредил.

– Спасибо. Как ты думаешь, удобно поговорить с Ларисой Анатольевной насчет того, чтобы для Даны готовили отдельно? Проблему надо решать комплексно. С такой едой, как сейчас на столе, она никогда не похудеет, хоть я в лепешку расшибусь.

– Я думаю – удобно. Она же мать, в конце концов, и они с мужем пригласили тебя как раз для того, чтобы ты решал проблему. Ты же не для себя просишь, а для дела.

Я вижу, что Павел собирается задать очередной вопрос, но это ему не удастся, потому что слышится властный голос старухи Анны Алексеевны:

– Минуточку внимания! У меня для вас сообщение...

Отражение 4

Михаил

К началу обеда я не успеваю, но меня это не особо трогает. Ненавижу эти семейные застолья, эти общие сборища. И дом свой ненавижу в том виде, в каком он существует. Мне всегда хотелось жить своей семьей, с Ларкой и детьми, и чтобы больше никого, а получилось так, что и Валентина с дочерью оказались у меня, и мать, и Лена с сыном. Не дом, а проходной двор, ей-крест. И у каждого свое мнение, свои желания, и все чего-то хотят, и всем что-то нужно. Надоели! Не понимаю, как я дал себя втянуть во все это... Спасибо, хоть Володька живет отдельно, но мать спит и видит, чтобы и он к нам переехал. Ее можно понять, она на пенсии, сидит дома, ей скучно, и чем больше народу в квартире, тем ей веселее, всегда кто-нибудь да есть, с кем можно словом перекинуться, и потом, когда все друг у друга на глазах – всегда есть что пообсуждать и кому косточки перемыть. Но мне-то на кой хрен вся эта бодяга?

Сегодня должен прийти новый тренер для Даны, я велел ему прибыть к двум часам, интересно, он вовремя пришел или опоздал? Если опоздал в первый же раз – сделаю внушение, после второго раза выгоню и буду искать другого. Неподчинения, разболтанности и недисциплинированности не потерплю. Ларке этот парень должен понравиться, я знаю, какие мужики ей по вкусу, и он как раз такой, но все равно выгоню, если что не по мне окажется, на Ларку не посмотрю. Плевать мне, что ей там нравится или не нравится. Блин, сегодня же суббота, откуда на Садовом такая пробка? Впрочем, это и к лучшему, пусть они закончат обедать и разойдутся, я потом один поем, так даже спокойнее. Пока в пробке стоим, перезвоню еще раз Давиду, он занимается поставкой оборудования для фитнес-клубов, я его еще вчера предупредил, что сегодня буду делать большую закупку, но надо на всякий случай проконтролировать, на месте ли он. Нечего в долгий ящик откладывать, Павел уже должен был все посмотреть, прикинуть и составить список, что надо купить для занятий с Даной, так что можно будет сразу же посылать к Давиду человека с машиной. Вечером все установят, и завтра Дана уже сможет заниматься. А чего тянуть? Раз решение принято – надо сразу и выполнять. Да, и мебелищику надо перезвонить, нужно же комнату для тренера обставлять. Если этот тренер Данке не понравится... Да и черт с ним, я решил, что ей надо заниматься, – значит, будет заниматься, не хватало мне еще зависать над тем, что нравится или не нравится моей дочери. Так я далеко не уеду. Хотя, положа руку на сердце, должен признаться, что мне спокойнее, когда Дана постоянно дома. Сейчас жизнь такая... Одним словом, опасная для подростков, того и гляди, втянется в плохую компанию, потом бед не оберешься. Но Володька, ни дна ему ни покрышки, всю голову долбал мне и Ларке насчет того, что мы лишаем ребенка возможности нормальной социальной адаптации... короче, какую-то такую муть гнал, он же, блин, социальный психолог, словами ловко жонглирует, а мать, дура старая, уши развесит и всему верит. Нет, Володька, конечно, правильные вещи говорит, если объективно, и ужас весь в том, что возразить ему нечего, нет аргументов, до такой степени он правильный. А я неправильный, и не надо мне этой его правильности, но ведь как заявить вслух, что я несогласен? Получается, я дочери своей счастья не желаю. В общем, нет у меня против Володьки оружия, а мать всегда ему подпевает. Хотя она и дура, но я ее люблю и расстраивать не хочу, поэтому потакаю ее прихотям. Ничего бы этого не было, если б мы жили отдельно, пусть бы каждый в своей норке отсиживался и свою пайку сена жевал, так нет же, «семья должна быть вместе, плечо к плечу, надо быть родственным, надо помогать друг другу». Да кто ж спорит? Конечно, надо. Но и для себя жить надо. И своей собственной семьей жить надо, а не огромным кагалом. Но не хотеть жить с близкими родственниками – стыдно, и приличных аргументов, почему ты не хочешь жить вместе с родной сестрой или престарелой матерью, найти невозможно. Как было хорошо, когда мы все жили по отдельности! Я с Ларкой и детьми – сам по себе, мать – в хорошей квартире, у нее там после

смерти отца даже роман какой-то сделался с дедком из ее же подъезда. Валя жила с мужем и дочкой. Володька – со своей молью Музой. И всем было отлично! Я собрался было дом строить за городом, уже участок присмотрел, переговоры о покупке начал, так тут Володька вылез со своей инициативой, чтобы мать жила с нами. Она, дескать, стареет, ей трудно одной и все такое. И потом, она так любит внуков, хочет почаще их видеть, а чем старше становится, тем труднее ей через весь город к нам приезжать. Что возразишь? Ничего. И вопросов нет, я готов был с удовольствием взять ее в загородный дом, так Володьке и сказал, погоди, мол, годик, я построюсь и мать к себе заберу. Он аж взвился! Как, говорит, построишься?! Куда ты мать забирать собрался? За город? В тьмутаракань? Что она там делать будет? Дом твой сторожить? У нее в Москве подруги, у нее дедок этот из подъезда, у нее два кладбища, на одном отец похоронен, на другом Ванечка, она туда регулярно ездит. Она в театр любит ходить, на концерты, и как ты себе представляешь: пожилая женщина целый день одна за городом, ни соседей, ни друзей, никого. А в отпуск если уехать? Как ее одну-то оставлять в глуши? Я и не нашел, что ответить. А он уже давай скорей мать накручивать, что нельзя ей за город вместе со мной переезжать, она там вообще концы отдаст. Ну, мать и подпевает, мол, сынок, ты моей смерти хочешь, я всю жизнь в Москве прожила, а ты собираешься меня от этой привычной жизни оторвать и в доме запереть. В общем, пришлось покупать целый этаж, делать ремонт и жить в городе. Ларка прямо бешеная ходила целый год, уж так ей хотелось, как настоящей жене крупного бизнесмена, иметь собственный дом за городом. До сих пор простить не может, что мы ради матери в Москве остались.

Потом с Леной... Тоже Володька выступать начал, а возразить нечего. Потом Валентина от мужа ушла, делить ничего с ним не стала, не бросишь же родную сестру с племянницей на улице. Вот и набралось народу на целый колхоз. И вроде все правильно, по-семейному, по-родственному, а душа не лежит. Не хочу. Ненавижу.

Какой козел придумал это правило, что люди должны любить своих родственников и стремиться быть с ними рядом? Вот этого козла ненавижу в первую очередь. Люди должны любить самих себя и тех, кого любят, а не тех, кого должны. И еще того козла ненавижу, который придумал, что любить – означает стремиться постоянно быть рядом и общаться. Или это был один и тот же козлина? Да, я люблю свою мать и сестру Валентину тоже люблю, но я не хочу с ними жить!!! Не хочу!!! И общаться с ними не хочу!!! Надоели все. Ненавижу.

Хочу покоя. Тишины хочу. Чтобы Ларка, Тарас и Дана дома сидели и не шлялись где ни попадя и чтобы голова у меня за них не болела. Чтобы я приходил вечером в тихую квартиру, где, кроме них, никого нет, чтобы мне молча улыбались, давая понять, что все в порядке, подавали еду и оставляли одного. Чтобы никто со мной не разговаривал, ничего не спрашивал и не морочил мне голову своими рассказами. Мне и на работе разговоров и рассказов хватает, дома я хочу помолчать и расслабиться, а не выполнять бесконечный и бессмысленный родственно-семейный долг. Хочу, чтобы Тарас вернулся из этой своей Англии, страшно мне за него, пусть дома учится. Как я не хотел его отпускать! Но Ларка всю печень выклевала: у приличных людей дети обязательно учатся в Англии, что о нас подумают, если наш сын... и так далее. Да черт бы с ней, с Ларкой, пусть свое мнение в собственную пышную задницу засунет, она мне не указ, но тут Володька подключился, правда, не сам, я думаю, его Тарас попросил со мной поговорить, очень уж ему хотелось учиться за границей. А против Володькиных аргументов мне слов не найти. Языковая среда, носители языка, приучение к самоконтролю и все такое. Задолбали все. Надоели. Проще сделать, чем объяснять, почему не хочется. Вот и получается, что в моем же доме все живут так, как хотят, один я живу не так, как мне хочется. И как так получается? Почему? Никак мне не удастся понять этот механизм, который уродует мою жизнь.

Вот и приехал. Без пяти четыре. Ровно как обещал. Хоть бы они все уже разошлись из столовой, мы бы с Павлом вдвоем посидели и все обговорили.

Нет, не тут-то было. Слышу голоса и понимаю, что они все еще сидят за столом. Век бы их всех не видеть...

– Вот и Михаил Олегович, – торжественно произносит мать, и меня привычно передергивает. Откуда появилась у людей такая манера – называть супругов и детей по имени-отчеству, тем самым подчеркивая их значимость и весомость в глазах посторонних? Ясно же, что отец для мамы всегда был просто Олегом или даже Олеженькой, так нет, теперь она его иначе как Олегом Семеновичем не именует. И меня в присутствии посторонних зовет Михаилом Олеговичем, вероятно, чтобы у этих самых посторонних даже мысль в голове не зародилась, что я – простой смертный и для кого-то, хотя бы для собственной матери, могу быть просто Минькой. Бережет мое реноме. Да на хрен оно мне сдалось, реноме это, в рамках собственной квартиры да среди собственной родни?! Моя репутация – это мое дело и мои деньги, а как меня дома называют – никакого значения не имеет.

Я молча сажусь на свое место, рядом с Ларкой. Все в сборе, и новый тренер тоже здесь. Это хорошо, значит, не забыли его позвать к столу, не забыли, что я велел накормить его обедом. Попробовали бы только забыть или не выполнить мое указание...

– Нина! – истошно кричит Ларка, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не скрипнуть зубами: до чего ж у нее голос громкий! Зачем так орать, спрашивается? Подняла бы свою задницу, сделала пару шагов до двери, ведущей в кухню, да и сказала бы Нине, чтобы подавала, не переломилась бы. Откуда у нее эти замашки барыни? Ведь была девчонкой из простой семьи, нормальная была, сама все дома делала, когда молодыми были, и стирала, и убирала, и готовила. Ёкарный бабай, как Ларка моя готовила! Пальчики оближешь и проглотишь вместе с языком. Кажется, я за одно это в нее влюбился когда-то и женился. И куда все девалось?

Оглядываю стол. Все уже давно поели, вазочки с печеньем и конфетами наполовину пустые, чай и кофе тоже допит. И чего они, спрашивается, тут высидывают? Сейчас Нина принесет обед, я начну есть, а они будут мне в рот смотреть, что ли? Приятная перспектива. Издержки совместного родственного проживания. Ненавижу.

Надо как-то дать им понять, чтобы расходились и не мешали мне.

– Мама, почему ты не идешь отдыхать? – дипломатично спрашиваю я. Мать всегда после обеда ложится вздремнуть на час-полтора.

– Я ждала твоего прихода, чтобы сделать одно сообщение. Раз уж ты спросил, тогда я сразу скажу: мы должны почаще бывать на кладбище. Все, конечно, заняты, но по субботам и воскресеньям у всех есть время, и мы будем каждую субботу ездить к Ванечке, а по воскресеньям – к Олегу Семеновичу. Убирать могилу, менять цветы, мыть памятник. Ванечке и Олегу Семеновичу будет приятно, что мы помним о них и заботимся.

У меня дар речи пропал. Похоже, не у меня одного, потому что рожи у всех вытянулись. Спокойными оставались только Лена, Костик, Артем и Павел. Ну, Костик – понятное дело, ему по малолетству вообще непонятно, о чем речь, Лена понимает, но к ней это не относится, Ванечка и мой отец ей не родня, она их и не знала никогда, Артем тоже посторонний, как и Павел, а все остальные в шоке. Включая меня.

Что это мать удумала? С какой стати? Ваня умер двадцать пять лет назад, со смерти отца тоже изрядно времени прошло, почти десять лет. Ну ладно, я понимаю, когда на кладбище в первые девять дней ездят ежедневно, до сорокового дня – раз в неделю, в течение первого года раз в месяц, но потом-то что? Пять дней в неделю работать, выходные посвящать обслуживанию памяти умерших, и так до самой своей смерти? Зачем? Чего ради?

Но как возразить? Как можно сказать матери, что ты не хочешь ездить на кладбище к отцу и брату? Как язык повернется? Неужели сама додумалась? Или снова Володька постарался? Да нет, не может быть, чтобы это было его идеей, ведь ему тоже тогда придется ездить. Значит, сама придумала. Хотя он по выходным дням работает...

– Мама, – осторожно произношу я, – здесь все люди взрослые, работающие, занятые, и на выходные все планируют дела, которые не успевают сделать за рабочую неделю.

– Во-первых, твоя жена не работает, – мать мечет в Ларку испепеляющий взгляд, – но к ней это относится в меньшей степени, потому что ни Ванечка, ни Олег Семенович ей не родные. Ты, конечно, очень занят своим важным бизнесом, и я не настаиваю, чтобы ты должным образом чтил память об отце и брате, но имей в виду: я приняла решение и буду отныне ездить на кладбище каждую субботу и воскресенье. И будь любезен обеспечивать меня машиной и водителем. Мне не хотелось бы услышать в один прекрасный день, что машина сломана или водитель заболел. Я буду ездить с завтрашнего дня. А вы – как хотите.

Она поднимается из-за стола и гордо удаляется. А мы все остаемся, мягко говоря, в положении «раком». Ах, моя хитрая, поднаторевшая в аппаратных играх матушка! Специально приберегла свое сообщение для такого момента, когда рядом будут посторонние и я не смогу открыто высказываться, чтобы не завязывать семейную склоку. Разумеется, все промолчали, все ведь у нас хорошо воспитаны, никто не вякнул, не возмутился, даже не удивился открыто. Подавились, но проглотили. И что теперь со всем этим делать? Мать начинает демонстративно собираться на кладбище, а я? Ладно, допустим, у меня полно дел и я с утра уехал в офис. Но если я дома, если я просто хочу отдохнуть, поваляться на диване с газетой в руках или посмотреть по телевизору футбол или боевик какой-нибудь? Я могу сходить с мужиками в баню или съездить на рыбалку? Я, в конце концов, имею право побыть в выходной день дома со своей семьей, с женой и дочерью? Или не имею? Володьке проще, он с нами не живет и этих демонстративных сборов видеть не будет, а мне-то что делать? Каждый выходной смысваться с утра пораньше из дому, как нашкодивший пацан, делая вид, что у меня много работы, срочные контракты и важные переговоры? Может, мне уже вообще переехать в офис и жить там постоянно, а домой приходить в гости раз в неделю на пару часов?

Или я – дурак, а мать права? Может, я чего-то в этой жизни не понимаю и могилы родственников действительно надо посещать каждую неделю на протяжении десятилетий? Может, я – моральный урод? Не может же быть, чтобы общепринятое этическое правило, с которым все согласны и которое всех устраивает, вынуждало человека калечить собственную жизнь. Получается, если соблюдение правила уродует чью-то жизнь, то либо правило неправильное, либо жизнь организована неверно. Опровергнуть правило я не могу. У меня нет аргументов. На кладбище надо бывать? Надо. Чтить память усопших надо? Надо. Мать уважать надо? Тоже надо. Перечить матери можно? Нельзя, что очевидно. Вот четыре правила – одно другого правильнее, а во что они превращают мою жизнь? В кусок дерьма.

Неужели все дело в том, что моя жизнь организована как-то не так?

Глава 2

Павел

Со следователем мне повезло. В том смысле, что она, конечно, тетка цепкая и занудная, как и положено следователю, но после двух дней изматывающих допросов поняла все-таки, что я к убийству не причастен и могу выступать только как свидетель, зато свидетель полноценный, наблюдавший жизнь семьи Руденко на протяжении двух лет практически ежедневно (выходные мне не полагались, и свободные дни выпадали только тогда, когда хозяин милостиво решал, что можно на один день сделать перерыв).

Поняв, что артиллерийским наскоком, то есть по горячим следам, преступление не раскрыть, она резко притормозила и принялась не спеша, с чувством и со вкусом разбираться в хитросплетениях внутрисемейной ситуации. Очень способствовало делу и то обстоятельство, что никто из Руденко не обивал пороги с требованиями как можно быстрее найти преступника и с обвинениями милиции и прокуратуры в бездействии. Ну, оно и понятно, если бы убийцей был человек посторонний – тогда другое дело, а так-то все понимали, что отравитель – кто-то из них. И что с этим делать? Как себя вести? Требовать скорейшего выявления и наказания убийцы, который наверняка (других вариантов нет) окажется твоим родным, близким и любимым? Или уговаривать следователя не надрываться и спустить все на тормозах, тем самым навлекая на себя особо серьезные подозрения? Могу себе представить, как мучится каждый из них. Нет, не так: почти каждый. Потому что кто-то один – убийца – совсем даже не мучится нравственным выбором. Он мучится страхом разоблачения. Но все равно ведь мучится...

Следователь Галина Сергеевна Парфенюк по возрасту годилась мне в матери. Я предполагал, что на самом деле она, конечно, несколько моложе, но выглядела на все пятьдесят пять, и когда усвоила, что я никак не могу быть подозреваемым, то и вести себя со мной начала как мамка: поила чаем с домашними бутербродами и пирожками собственного сочинения, заботливо спрашивала, почему у меня усталые глаза, и, открывая форточку, беспокоилась, как бы меня не продуло. А форточку, а то и окно целиком она открывала беспрестанно, объяснив мне, что у нее дыхательная недостаточность и ей все время не хватает воздуха.

– Итак, Пашенька, мы остановились на том, что в первый момент семья Руденко показалась тебе большой и дружной. Сколько времени длился этот первый момент? День, два?

– Примерно неделю.

– А потом что произошло? Ты начал сомневаться в том, что она такая уж дружная?

– Понимаете, Галина Сергеевна, все не так гладко, как вы говорите. Например, я в первый же день понял, что Юля не любит Дану, но мне это показалось... ну, как бы нормальным. Одна – красивая и бедная, другая – некрасивая и богатая, прямо как в романе. Нелюбовь одной девочки к другой выглядит совершенно естественно, особенно если учесть молодость и глупость. Ревность, зависть и так далее. И для меня эта нелюбовь не была свидетельством того, что в семье не все в порядке. А вот спустя примерно неделю или, может, дней десять...

* * *

Мой первый рабочий день пришелся на воскресенье. Можете себе представить мой восторг: в воскресенье к семи утра переться на работу. Да я сроду по выходным дням так рано из дому не выходил! Хотя если не кривить душой, то за последние месяцы у меня все дни были

выходными. Я отвык так рано вставать. Зато получил удовольствие от езды по пустым дорогам. Нормальные люди еще спят, а я, как дурак... Да ладно, за такие-то деньги!

Дверь мне открыл сам хозяин, Михаил Олегович, и, судя по его виду, встал он уже давно. Не спится, няня? Или он по жизни «жаворонок»?

– Молодец, – хмуро поприветствовал он меня, – без опозданий явился. Завтракал?

Я решил не ломаться и сказал правду:

– Нет, не успел. Отвык так рано вставать, а опаздывать не хотелось.

– Это правильно, – он одобрительно кивнул. – Дана уже встала, у нее только что будильник прозвенел, я слышал, а мы с тобой кофе выпьем, пока она умывается. Это только на первый раз, я велю ей, чтобы будильник на без четверти семь ставила и к твоему приходу была готова.

Я проследовал за ним в уже знакомую столовую, где по всем правилам дорогих отелей был сервирован вполне европейский завтрак и даже стояли три прозрачных кувшина со свежесожатыми соками, судя по цвету, апельсиновым, морковным и свекольным. Но соки эти были единственным диетическим продуктом на столе, все прочее оказалось, как и предупреждал меня накануне Артем, жирненьким и сытненьким. Хорошо, что у меня нет проблем с весом, я позволил себе намазать мягкий пышный белый хлебушек высококалорийным папшкетом, который мне еще вчера так понравился.

– Все, что ты наметил, я купил, – начал Михаил Олегович, – установили по твоему плану. Комнату твою оборудовали, сейчас пойдешь переодеваться – посмотришь. Если что еще надо – скажи мне, не стесняйся. Вот тебе талмуд, – он со смачным стуком, от которого я вздрогнул, положил на стол передо мной толстую книгу в дорогом кожаном переплете, вроде ежедневника, – будешь составлять план на каждый день и записывать результаты. Что сделано, что не сделано и почему. Буду проверять.

Ё-моё, а я-то был уверен, что насчет учета и контроля он просто так брякнул. Ну да ладно. Я покорно взял «талмуд» и сунул в объемистую сумку, в которой принес спортивную форму и кое-какие вещи, диски и кассеты.

– Теперь насчет подготовки для Даны, – продолжал Руденко. – То, что ты мне вчера говорил, я передал Нине, нашей домработнице. Как отзанимаешься с Даной – Нина к тебе подойдет, и ты ей все подробно расскажешь. По воскресеньям занятий с Артемом нет, так что сейчас вы позанимаетесь до девяти часов, а вечерние занятия можно провести пораньше. Считай, что по воскресеньям у тебя рабочий день заканчивается раньше.

– Значит, у Артема по воскресеньям выходной? – наивно уточнил я.

– Да. А у тебя – нет, – отрезал хозяин. – По воскресеньям Дана занимается самоподготовкой по гуманитарным предметам, так что у нее тоже выходных нет. Если тебе так спокойней.

Да уж, конечно. Покой нам только снится. Чувствую, нахлебаюсь я в этом доме...

Из коридора послышались легкие быстрые шаги, и в столовую впорхнула Юля в чем-то кружевном и полупрозрачном.

– Ой! – Она ловко сделала вид, что не ожидала увидеть постороннего мужчину, то есть меня. – Извините, что я в таком виде, я думала, что никого нет... Дядя Миша, я сок выпить...

Руденко молча кивнул и всем своим, надо признать, весьма выразительным лицом дал понять, чтобы племянница быстренько пила свой сок и выматывалась. Я с деловым видом накладывал на очередной кусок хлеба ломтики нежно-розовой ветчины и на девушку не смотрел. Причем никаких усилий для того, чтобы не смотреть, не прикладывал. Спасибо Артему, предупредил заранее, а то я вполне мог бы и повестись, развесив глаза на юные прелести.

Как вы думаете, сколько времени нужно, чтобы выпить стакан сока объемом в двести пятьдесят миллилитров? Лично я делаю это залпом, особенно по утрам, после сна. Я успел сжевать бутерброд и допить кофе, сверху бросил в желудок кусочек мягкого сыра, а Юля все стояла и цедила из стакана апельсиновый сок. Хозяин взглянул на часы и поднялся.

– Хватит расслаживаться, надо делать дело. Пошли.

Юля стояла так, что пройти мимо нее, не коснувшись, было просто невозможно. Но я все-таки спортсмен, хоть и хромой в данный момент. Мне удалось выскользнуть.

– Как рано у вас встают по воскресеньям, – невинно заметил я, двигаясь вслед за Михаилом Олеговичем по длинному коридору.

– Только я, – ответил он, не оборачиваясь. – Теперь вот и Дана будет рано вставать. Остальные дрыхнут.

– А как же ваша племянница?

– Не знаю, что на нее нашло. Обычно тоже спит до полудня. Думаю, это она перед тобой голой задницей решила повертеть.

Он внезапно остановился, обернулся и в упор посмотрел на меня.

– Не вздумай, – тихо и очень четко произнес он.

– Ни за что, – так же четко пообещал я.

И был вполне искренен. Что я, враг самому себе? А ты, дядя Миша, не так прост, как кажется. Все знаешь, все понимаешь, все сечешь. Надо с тобой быть поаккуратней. Интересно, из каких соображений ты мне запрещаешь отвечать на заигрывания твоей племянницы и крутить с ней роман? Считаешь, что ей еще рано думать «о мальчиках»? Как же ты Артема-то проглядел? Или не проглядел? Про Артема знаешь и не хочешь, чтобы в твоём доме разыгрывались африканские страсти ревности и соперничества? А может, ты все-таки не настолько толстокожий и понимаешь, как на это отреагирует твоя дочь?

Моя комната меня порадовала. Помимо того, что я указал в списке, я увидел много другого, приятного и полезного. Например, шторы, о которых я, как и большинство мужиков, конечно же, не подумал, два кресла, небольшой рабочий столик с компьютером. Отдельно на стуле лежали одеяло, подушка, два комплекта новенького, в упаковках, постельного белья и несколько махровых полотенец, тоже новых, с еще не срезанными этикетками. То есть складывается такое впечатление, что ко мне тут отнеслись с полным уважением. Приятно.

– Вы мне даже компьютер поставили, – я не смог скрыть изумления.

– Ты же мужик, – Руденко пожал плечами. – Небось увлекаешься стрелялками всякими.

Вот тут он попал в точку. Играть в «Первую мировую» я мог ночи напролет и имел очень неплохой рейтинг: был двадцать шестым среди трех тысяч участников. До аварии играл регулярно, вызывая раздраженное недоумение у своей дамы сердца, а после аварии в той квартире компьютера уже не оказалось, он переехал вместе с хозяйкой в загородный коттедж к счастливому жениху, так что после выхода из больницы я оказался напрочь лишен любимого развлечения.

– Ну как? Еще что-нибудь нужно? – спросил он.

– Спасибо большое. Кажется, все есть. Даже больше, чем я просил.

– Ладно, пошли, покажу тебе гостевую ванную, можешь пользоваться. Потом переоденься и пойдешь в «тренажерку», Дана тебя уже ждет.

Интересно, откуда он знает? Он же не проверял, где сейчас его дочь.

Ровно через три минуты я, одетый в спортивный костюм, открыл дверь вчера еще совершенно пустой «тренажерки». Сегодня в ней было все необходимое строго по списку, даже доска и листы ватмана. Дана оплывшей кучей сидела на стуле, опустив голову. Накануне я видел ее одетой в просторный балахон, сегодня же на ней были лосины и майка, и я смог объективно оценить поле предстоящей деятельности. Поле это показалось мне поистине необъятным.

– Доброе утро, – поздоровался я с улыбкой.

Она молча кивнула. То есть за ночь разговорчивей моя подопечная явно не стала.

– Ты готова?

Снова молчаливый кивок. Я постарался вспомнить все, чему меня учили отец и все мои тренеры. Я-то сам не великий педагог, в психологии не силен, так что придется опираться на чужой опыт. Мой первый тренер, бывший сиделец-каратист, часто повторял: «Никогда не

заставляй человека делать то, чего он боится. Сначала постарайся сделать так, чтобы он перестал бояться. Нельзя ломать спортсмена «через страх», нужно обучать его «без страха».

Я взял ватман и стал присобачивать его к доске. Дана молча смотрела, потом встала и принялась помогать. Укрепив лист, я достал длинную линейку и пластиковый футляр с фло-мастерами.

– Держи линейку вот так, – я показал, как именно, – а я буду чертить оси.

Мне показалось, что Дана немного расслабилась. Ну, понятно, девочка со страхом ждала, что я с первой же секунды заставлю ее выполнять какие-нибудь упражнения, с которыми она, само собой, не справится, и далее последуют комментарии на тему ее ловкости и выносливости. Не тут-то было, Богдана Михайловна, меня голыми руками не возьмешь. До упражнений нам с тобой еще пахать и пахать. Сегодня мы будем делать только то, что ты давно умеешь или не умеешь, но без затруднений справишься.

За первым листом последовал второй, на котором мы так же, совместными усилиями, начертили несколько осей координат. И вот что странно: она добросовестно помогала мне, но не задала ни одного вопроса. А еще мне будут рассказывать про так называемое девичье любопытство! Неужели ей совсем не интересно, зачем все это? Или привычка молчать сильнее желания спросить? Ладно, я не гордый, сам объясню.

– Смотри, Дана, вот на этом листе мы будем отмечать давление и частоту пульса до нагрузки и после нее. А вот на этом – сами нагрузки. Для того чтобы получить результат, к которому ты стремишься, – я умышленно не произносил никаких слов ни про вес, ни про похудение, – нужны существенные нагрузки, но твое сердце их сразу не выдержит, и его надо готовить к этим нагрузкам, тренировать. То есть в первую очередь мы будем заниматься твоим сердцем и дыханием. Понятна идея?

Она кивнула.

– Твой пульс при нагрузках не должен превышать ста двадцати ударов в минуту, – продолжал я теоретическую часть. Вообще-то по-хорошему можно было бы и до ста сорока доводить, но, учитывая вес Даны, я боялся рисковать. – Поэтому в первое время мы будем давать только такие нагрузки, при которых твой пульс не будет зашкаливать за указанную отметку. И вот на этом листе станем отмечать, сколько и чего ты успеваешь сделать, пока пульс не больше ста двадцати.

Первое наше занятие превратилось в лекцию, и Дана заметно успокоилась. Слушать преподавателя и запоминать – занятие для нее привычное, она всегда была хорошей ученицей. Сперва я с умным видом вещал про аэробные и анаэробные нагрузки, потом, пересказывая полученную от моей подруги Светланы информацию, плавно перешел к проблеме обмена веществ в организме и правильному питанию.

– С сегодняшнего дня ты заведешь тетрадку, в которую будешь записывать все, что съела и выпила в течение дня. По часам и минутам. До крошки и до капли. Даже если ты просто выпила стакан воды или сока, записывай: сколько, чего и в какое точно время.

У нее в глазах бился немой вопрос, и я никак не мог понять, о чем ей так хочется спросить. Вроде бы я все объяснил. Неужели остались какие-то неясности?

– Вопросы есть? – дежурно спросил я, закончив лекцию.

Дана разомкнула плотно сжатые губы.

– А вес?

– Что – вес?

– На каком графике мы будем отмечать вес?

Так вот что тебя беспокоит, деточка! Ну, об этом я вчера весь вечер думал, так что ты меня врасплох не застанешь. Не на того нарвались, дорогие мои. Насчет девушки Юли я уже все понял.

– Вес мы на графиках отмечать не будем вообще, – спокойно заявил я. – Твой вес – это наше с тобой интимное дело, и никто в него посвящаться не должен. Параметры веса и объемов я буду ежедневно заносить в свой блокнот, если хочешь – можешь записывать их в свою тетрадку, и знать цифры будем только мы с тобой и твои родители, если им это интересно. Никто посторонний, зайдя в эту комнату и увидев наши графики, ничего знать не будет. Он даже в пульсе и давлении не разберется, потому что мы оси подписывать не станем, мы с тобой просто запомним, где у нас что, а всем остальным это знать не обязательно. Медицинская тайна врача и пациента. Ты как хочешь, а я с твоими родственниками ничего обсуждать не намерен. Если твои папа или мама спросят – им скажу, это обязательно, а больше никому ни слова. Согласна?

На ее лице отразилось такое облегчение, что я мысленно себя похвалил. Хоть я и не специалист в области психологии, но, видимо, и не совсем дурак.

– Уже без десяти девять, – сказала Дана. – А мы еще не начинали заниматься.

Ну вот, слава тебе господи! Что и требовалось доказать. Длинная фраза, к тому же явно выраженное желание начать уже наконец что-то делать. Страх прошел, появилась готовность работать. Ура, товарищи!

– Заниматься будем после обеда, а сейчас давай-ка произведем первые замеры и все запишем. И не забудь про тетрадку, начинай сегодня же. Чем быстрее мы с тобой нащупаем корень проблемы, тем быстрее с ней справимся. Да, и еще одно: ваша домработница Нина будет готовить тебе отдельно, я ее проинструктирую. Не уверен, что тебе понравится, вряд ли эта еда окажется очень вкусной, но ты уж, пожалуйста, не нарушай, иначе толку не будет. Ты сейчас пойдешь завтракать?

– Да.

– Дана, я уже видел, чем у вас кормят на завтрак. Ты не возражаешь, если я посижу рядом с тобой в столовой и дам тебе несколько советов?

– Конечно.

– Ну, вставай на весы.

Она слегка побледнела. Тут до меня стало доходить: она вообще не знает, сколько весит, и безумно боится той цифры, которую сейчас увидит на дисплее.

– Ты когда взвешивалась в последний раз? – спросил я как можно равнодушной, словно это и не имело ни малейшего значения.

– Не помню, – ответила она, чуть помедлив.

Врет, подумал я, помнит. Прекрасно помнит, что это было, наверное, года два назад, а то и все три. Она начала полнеть и сама не заметила, а когда все стало катастрофично, уже не взвешивалась из страха увидеть ужасные цифры.

– А у вас дома весы есть? Или только вот эти, которые вчера купили?

– Только эти.

Ну точно, так и есть. Елки-палки, как бы она у меня тут в обморок не грохнулась, увидев свой точный вес. Не предлагать же ей выпить валокординчику перед тем, как встать на весы. Ладно, как меня учил когда-то отец: лучшее лекарство – правильная реакция окружающих. То есть моя. Ну, Фролов, вперед и с песнями.

– Какой у тебя рост?

– Метр пятьдесят пять.

Дана стояла как вкопанная. Не тащить же мне ее за руку к весам! Я поднял измерительный прибор и поднес к самым ее ногам, нажал кнопку, ввел возраст и рост.

– Вставай, только носочки сними, на эти весы надо вставать босиком.

Она послушно сняла носки, встала на платформу и закрыла глаза. Лицо у нее было, наверное, такое, какое бывает перед расстрелом. Девяносто пять килограммов четыреста граммов. Круто для пятнадцати-то лет и для такого невеликого росточка.

– Ну что ж, все очень прилично, – весело произнес я. – Сейчас запишем.

Я быстро занес в «талмуд» вес, проценты жира и воды и прочие показатели, которые, если честно, вызывали у меня священный ужас, но показывать свои эмоции было нельзя. В конце концов, страшно только сегодня, а завтра, когда вес станет чуть-чуть меньше, ужас уступит место удовлетворению. Я уже говорил, что первые сдвиги обеспечить легче легкого, главное – правильно к ним относиться. Они должны дать человеку ощущение небезнадежности и тем самым выполнить позитивную роль стимула к дальнейшим усилиям.

Дана сошла с платформы, так и не открыв глаза. Смелая девочка, смотрит врагу прямо в лицо.

Дисплей погас.

– Ты не будешь записывать? – спросил я, закрывая свой «талмуд».

– Нет.

– Тебе не интересно, сколько ты вешишь?

– Нет.

Все ясно. Я был прав. Комплекс оказался куда глубже, чем я думал.

Завтракала Дана в пустой столовой, девять утра для семьи Руденко в воскресенье – слишком раннее время. Странно, что Юля не прискакала составить нам компанию. Из всего, что находилось на огромном овальном столе, скомпоновать правильный завтрак для девочки с лишним весом оказалось не так-то просто. Пришлось отодвинуть подальше корзинку с аппетитным мягким хлебом и блюдо с плюшками и пирожками и рекомендовать Дане ограничиться яйцом всмятку, ломтиком сыра и чаем без сахара.

– Так будет всегда? – спросила она очень серьезно, и по ее тону я не понял, она просто уточняла или выражала недовольствие.

– Нет, завтраки будут каждый день разные, но в любом случае без белого хлеба, булочек и пирожков.

– А паштет?

– Нельзя, он очень жирный и калорийный.

– А если без хлеба?

– Все равно нельзя.

– А черный хлеб можно?

– Ради бога. Но только с овощами. Никаких бутербродов с колбасой или ветчиной. Положи на хлеб ломтик огурчика, сверху ломтик помидорчика, сверху зелень и ешь на здоровье сколько хочешь.

– А просто колбасу можно?

– Нежелательно. Лучше ветчину или буженину. И тоже с огурчиком или помидором и зеленью. Я же тебе объяснял про обмен, про расщепление жиров, про клеточные процессы. Забыла?

– Нет. А можно кофе вместо чая?

– Конечно, пожалуйста. Только без сахара. Если тебе горько, можешь добавить немного обезжиренного молока. Ты любишь кофе?

– У меня давление низкое, я без кофе все время спать хочу.

Низкое давление – это хорошо, это очень даже преотлично! В смысле нагрузок и пульса. Но спать ты, дорогая моя, хочешь оттого, что твое сердце не справляется с той тяжестью, которую вынуждены таскать твои бедные ноги, и быстро устает, а вовсе не потому, что у тебя низкое давление.

– Давай я за тобой поухаживаю, – великодушно предложил я и налил Дане кофе из красивого кофейника-термоса. – Скажи-ка мне, ты как предпочитаешь: есть вкусно, но очень мало или не очень вкусно, зато много?

После некоторого молчания она ответила:

– Мне все равно. Я не знаю.

Это как раз можно понять. Откуда она может знать, если никогда не пробовала есть мало или невкусную еду? Только вкусно и много.

– Ладно, попробуем оба варианта, и ты сама выберешь. Начнем с невкусного, зато в неограниченных количествах, а если тебе станет совсем невмоготу, перейдем к вкусному, но по чуть-чуть. Идет?

Она пожала плечами.

– Как скажете.

Кофе без сахара Дана пила с отвращением, которое даже не пыталась скрыть, но вслух не произнесла ни слова. Я попросил ее за обедом постараться соблюдать те правила питания, которые я пытался вдолбить ей утром.

– Даже если я буду обедать вместе с вами, я не стану в присутствии всех делать тебе замечания и руководить. Но я очень хочу надеяться, что ты этим не воспользуешься.

– Вы же сказали, что Нина будет готовить мне отдельно.

– Да, но с завтрашнего дня. Сегодня она уже не успеет приготовить для тебя обед и ужин. И не забывай пить воду, в течение дня тебе нужно выпить не меньше полутора литров, лучше даже два.

Дана молча кивнула и ушла к себе «заниматься самоподготовкой по гуманитарным предметам», а я остался ждать домработницу Нину, которой было велено выслушать мои указания и сделать все в соответствии с ними. В общем, на тот момент я полагал, что сделал все, чтобы понравиться Данае и, главным образом, ее родителям, потому как работа моя зависит, конечно, и от девочки тоже, но все-таки в основном от ее папани. Я был сумасшедше вежлив и старался выглядеть компетентным, хотя мало кто догадывается, каких усилий мне это стоило. Я рос хоть и в учительской семье, но жил жизнью нормального дворового парня, занимающегося исключительно мужским видом спорта, и был, как и все мои приятели, драчуном, мелким хулиганом и любителем матерных анекдотов. Конечно, мама с папой пытались привить мне правила хорошего тона и интеллигентную речь, но безуспешно, в том смысле, что я все это выучил и при необходимости мог придурнуться «приличным мальчиком», но образом жизни и поведения вся эта наука так и не стала.

Домработница Нина показалась мне точной копией Даны, только постарше и устроенной раз в десять: неразговорчивая, не улыбкающая, она молча слушала мои, с позволения сказать, указания и записывала в толстую тетрадку, не задавая ни единого вопроса. В той среде, в которой я вращался до аварии, домработницы как-то не водились, и все мои представления об этой категории домашнего персонала основывались на просмотренных фильмах, где уютные пожилые тетечки в неприменных фартуках старались поспешнее накормить своих питомцев, ухаживали за ними, будто за собственными детьми, были в курсе всех семейных, а то и служебных дел, давали полезные советы и вечно ворчали на нерадивых хозяев, если те, к примеру, плохо кушали или не могли найти галстук от парадного костюма. Но не такова, судя по всему, была наша Ниночка. То ли она не страдала излишним любопытством и любовью к семье, в которой работала, то ли господа Руденко так дело поставили, что никто и пикнуть не смел. Я больше склонялся ко второму объяснению, потому что полагал любопытство таким же естественным женским свойством, как стремление к красоте. Как не бывает женщин, которые не хотят быть красивыми, так и не бывает женщин нелюбопытных.

Образовавшийся перерыв я провел в «своей» комнате за компьютером, просмотрел почту и написал наконец письма всем, кому задолжал. После того как меня лишили компа, я периодически наведывался в интернет-кафе, но в целях экономии времени отвечал только в самых неотложных случаях, а ведь за время пребывания в больнице сами понимаете сколько всего скопилось в моем почтовом ящике. Хорошо, что я заранее не знал о беспредельной доброте моих новых хозяев, иначе уже сегодня притащил бы сюда диски с моими игрушками и

предался бы любимому занятию, а так от скуки, глядишь, и с почтой разобрался. При наличии возможности пострелять у меня бы точно не хватило силы воли отвечать на письма.

Обед прошел спокойно и быстро, за столом нас было всего трое: Дана, Юля и я. Все взрослые члены семьи куда-то подевались. Может, они обедают позже?

– Лена повела Костика в цирк, – пояснила Юля, – а все остальные поехали на кладбище к дедушке и Ване.

Да-да-да, что-то такое вчера говорилось... А я и в голову не взял. К дедушке, значит. Ну, одна дедушкина внучка из дому не выходит, это понятно, а другая-то почему дома осталась? Не уважает, что ли?

– А ты почему не поехала? – спросил я.

– Дядя Миша сказал, чтобы я осталась Дану караулить. – Юля недобро усмехнулась, искоса посмотрела на меня и добавила: – И тебя тоже. Новый человек в доме, мало ли что.

Мне стало противно. Неужели я похож на вора или насильника? И потом, Нина-то здесь.

Дана вела себя более чем прилично, ни разу не сделав даже попытки положить себе в тарелку что-нибудь слишком жирное или калорийное. Однако от Юлиного внимания это не укрылось, и все полчаса, которые мы провели за столом, она не переставала отпускать ехидные реплики в адрес севшей на строгую диету сестры. Я не вмешивался: слишком мало времени я провел пока в этой семье, чтобы сметь делать замечания, но, глядя на уткнувшуюся в тарелку Дану и видя, как дрожат нож и вилка в ее руках, я начал искренне жалеть девочку. Ей, бедолаге, и без того тяжело жить, ощущая себя уродом, зачем же масло в огонь подливать и открыто издеваться?

В конце концов я не выдержал.

– Куда ты пьешь столько воды? Ты уже целую бутылку вылебала. Ты же лопнешь, деточка, – не унималась Юля, цитируя текст известной рекламы.

– А ты налей и отойди, – вмешался я, пользуясь словами из того же самого рекламного ролика.

Последнее слово – «отойди» – я подчеркнул интонационно. Конечно, это было грубо, но Юля поняла, метнула в мою сторону негодующий взгляд и замолчала.

К вечернему занятию с Даной я приступил, имея в голове некоторый план. Мой собственный опыт занятий спортом подсказывал, что на первом этапе самое опасное – ощущение, что у тебя ничего не получается. Тогда опускаются руки и пропадает запал, и человек быстро бросает заниматься. Не любой человек, конечно, есть такие целеустремленные личности, которых трудности только подстегивают, но их меньшинство, и Дана к ним явно не относится, в противном случае она не сдалась бы так быстро на милость победителя и не осела бы дома.

Измерив давление и пульс, я записал показатели в «талмуд».

– Мы с тобой начнем заниматься тай-чи, – бодро заявил я. – Становись. Сначала поучимся правильно дышать.

На самом деле то, что я придумал, было эклектичной смесью гимнастики ушу, тай-чи и йоги, причем я выбирал самые легкие для исполнения упражнения. У Даны сегодня обязательно должно все получаться.

Через очень короткое время я заметил, что майка ее намочла от пота. Отлично! То, что надо.

– Устала?

Она отрицательно помотала головой.

– Сделаем перерыв? – предложил я.

Дана молча кивнула и вышла из комнаты. Я ошалело смотрел на закрывшуюся дверь и не понимал, что это означает. И только когда она вернулась буквально через пару минут, до меня дошло: она бегала в туалет. Ну конечно, вода, которую я велел ей пить. Господи, вот дурашка, терпела, вместо того чтобы сказать. Хотя что это я? Забыл себя в пятнадцать лет? Да я и в

двадцать пять стеснялся сказать симпатичной девушке, что мне нужно отойти в туалет, все придумывал какие-нибудь приличные предлоги вроде того, что «мне нужно позвонить, а здесь шумно», или терпел до помрачения в глазах. Ладно, не будем испытывать почем зря девичью застенчивость, надо просто объявлять перерыв каждые полчаса и делать вид, что так и надо.

Интересно, о чем думал папая Михаил Олегович, когда выделял для занятий физподготовкой по два часа утром и вечером? Он что, всерьез полагал, что его дочь выдержит четыре часа нагрузок в течение суток и каждый день? Бред полный. Ну, полчаса мы подышали, еще полчаса поделали упражнения, я снова измерил Дане давление и пульс и понял, что больше заниматься нельзя. На что убить еще целый час? Есть, правда, массаж, его можно растянуть минут на сорок. Снова лекцию ей читать? Вроде я уже все необходимое рассказал...

Выход мне подсказала сама Дана. Глядя, как я накрываю полотенцами массажный стол, она сказала:

– Я вся мокрая от пота. Мне нужно принять душ.

– Конечно, – обрадовался я. – Иди, я подожду.

Ну вот, минут десять уйдет на душ сейчас, потом еще столько же на душ после массажа, чтобы смыть масло, потом мы будем отмечать на графиках результаты и показатели. Глядишь, и рассосется как-нибудь.

Дана вернулась из душа и в очередной раз повергла меня в изумление, заперев дверь изнутри. Я решил, что она, следуя своей странной привычке запирается, сделала это чисто автоматически, подошел к двери и, ничего не говоря, повернул ключ, отпирая ее. Дескать, просто молча исправил случайную ошибку. Однако девочка, тоже молча, вернулась к двери и снова ее закрыла. Это что еще такое?

– Почему ты запираешься? – спросил я удивленно.

– Не хочу, чтобы меня видели раздетой, – твердо ответила Дана, не глядя на меня. – Вдруг кто-нибудь войдет?

– Дана, ты взрослая девушка и должна понимать: это неприлично, когда мужчина и девушка запираются в комнате. Это может вызвать нежелательные мысли у твоих родных. Что они подумают, если обнаружат, что дверь заперта? Да меня выгонят через пять секунд! Тебе это в голову не приходило?

– А если кто-нибудь войдет? – упрямо повторила она.

– Как войдет, так и выйдет, – строго произнес я. – Никто не увидит тебя раздетой, кроме меня. Я тебе обещаю. Я сегодня же попрошу твоего отца купить и поставить сюда ширму, и все проблемы будут решены.

Дана тяжело вздохнула и принялась стягивать майку и лосины. Вот интересно устроены женщины, да? Передо мной она спокойненько готова раздеваться до трусов, то есть не стесняется ни капельки, но не дай бог ее увидит раздетой кто-нибудь из близких родственников. Ну вы можете мне объяснить эти причуды девичьего сознания? По моим представлениям, все должно быть наоборот, и я с полным пониманием отнесся бы к тому, что девушка стесняется незнакомого молодого мужчину, к тому же, как утверждают некоторые, довольно симпатичного. Но нет, молодой мужчина всего лишь представитель домашнего персонала, то есть вещь, предназначенная для полезного употребления, вроде пылесоса или кофемолки, а члены семьи – люди. Человеки то есть. Я обиделся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.